

ДАРЫ ЭФИРА
ЕВГЕНИЯ ВЫСОКОВСКАЯ

УРОКИ
КНИГА ПЕРВАЯ
ВЕДЬМЫ

18+

Дары эфира

Евгения Высоковская

Уроки ведьмы. Книга первая

«Автор»

2021

Высоковская Е.

Уроки ведьмы. Книга первая / Е. Высоковская — «Автор», 2021 — (Дары эфира)

В современном мире не существует магических академий. И ведьмы вынуждены передавать свое мастерство, самостоятельно находя себе учениц и выступая в роли наставниц, делясь всеми своими знаниями и умениями. Они не летают на метлах, не приручают драконов и не высекают молнии из ладоней, но владеют всеми тайнами эзотерики, умеют общаться с духами и знакомы с полетами в астральных мирах, обрядами и заговорами, которые могут спасти человеку жизнь, а могут привести к непоправимым последствиям. А еще ведьмы способны влюбляться с силой, неподвластной обычным людям, и горе тем, кто встанет у них на пути.

© Высоковская Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Неожиданный поворот	5
Глава 2. Первый урок	11
Глава 3. Домашнее задание и новые открытия	15
Глава 4. Ленкина грустная история	21
Глава 5. Поездка в Дом	25
Глава 6. Ленкина просьба	32
Глава 7. Немного о выходах из тела	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Евгения Высоковская

Уроки ведьмы. Книга первая

Глава 1. Неожиданный поворот

Опять я ждала Ленку. Как обычно. За время нашего общения она всегда заставляла себя ждать. И опаздывала Лена Косова не на «этикетные» пятнадцать минут, а на полчаса, не меньше. Каждый раз я старалась приходиться позже, но во-первых, у меня годами выработанная пунктуальность, а во-вторых, Ленка словно каким-то чутьем определяла время моего опоздания и приплюсовывала его к своему. И опять приходилось ждать не менее получаса.

Сейчас отсчет этих тридцати минут только пошел, можно было спокойно прогуляться туда-сюда, тем более место, где мы договорились встретиться, мне не нравилось. Это был обычный подъезд панельной многоэтажки в том районе, где мы планировали погулять с подружкой. На входе в подъезд стояло несколько лавочек, где мне удобно было дожидаться Ленку, а еще здесь находился наш с ней опознавательный знак – старый раскидистый клен, других таких поблизости не было. В этом дворе вообще было скудно с растительностью. Вдоль тротуара росли тощие и чахлые саженцы липок, недавно посаженные школьниками, и низкие кустики какого-то многолетника. Поэтому легко было договориться о месте: не у третьего подъезда слева, не на пятой лавочке от проезжей части, а просто – у клена.

Летом мы здесь с Ленкой часто встречались перед прогулкой: в тени крупных остроугольных листьев старого дерева даже в жару было терпимо, и длительное ожидание подружки казалось не утомительным, а приятным.

Сегодня же мне у клена не нравилось. Все лавочки были заняты, и не старушками-сплетницами, а молодыми девицами, выглядевшими довольно двусмысленно. Почти все были с выкрашенными в угольный цвет волосами и в черной одежде, обилие яркой косметики на молодых лицах резало глаза. Прямо какое-то сборище ведьм! Или проституток. Некоторые, правда, были одеты и накрашены по-человечески, но общее впечатление от этой толпы было неприятное.

Я топталась поодаль и ждала подружку, а некоторые «ведьмы» сверлили меня глазами из-под начерченных бровей. В голове крутились разные ругательные эпитеты для Ленки за то, что мне приходится испытывать дискомфорт. Можно, конечно, было перебраться к другому подъезду и ждать подружку там, но она же слепуха и растяпа. Вполне могла не заметить меня и пройти мимо, а мобильный она вообще часто забывала зарядить перед выходом. Сейчас, например, он был недоступен. А то я бы уже высказала все, что думаю.

Я бросила взгляд на часы: Ленку можно было прождать еще двадцать минут. На меня нахлынуло сильное желание вернуться домой. Вот пусть притащится и подождет зря, а я дома чай буду распивать в это время. Но у подружки на подобные мои выпады было потрясающее чутье. Я знала, что как только переступлю порог своего дома, полная ехидной радости, что Ленка стоит на жаре, переминаясь с ноги на ногу, так в тот же момент у меня зазвонит телефон, и горе-подруга умильно-извиняющимся тоном пробубнит, что у нее сегодня никак не получается встретиться, и какое счастье, что она застала меня еще дома. Так что я махнула рукой и продолжила ждать.

Тем временем девицы зашевелились и стали подниматься с лавок: дверь подъезда открылась и вышла девушка в простеньком салатновом кардигане и черных джинсах. Все внимание собравшихся тут же обратилось на нее. В отличие от «ведьм», девушка выглядела вполне прилично. Каштановые волосы были туго собраны в «конский хвост», никакой лишней косметики на лице. Девушка была востроносая, тонкогубая, с хорошей кожей – я даже позавидовала,

настолько она чистая и светлая. А ее глаза... Я вроде и поодаль стояла от сборища, и все равно, когда эта девушка в мою сторону поворачивалась, видела, как глаза сверкают. Даже не сверкают, а словно лучи рентгеновские источают.

Что она им говорила, мне не было слышно, но «ведьмы» почти сразу же расселись по своим скамейкам, глядя на востроносую девушку с нетерпением, надеждой и даже с какой-то преданностью. Она медленно шла вдоль девиц, подолгу на каждую смотрела в упор, пронизывая своими лучиками. А потом я неожиданно уловила на себе ее пристальный взгляд. В нем проскользнула заинтересованность, мне же отчего-то стало не по себе, мурашки по спине устроили забег. Стало ясно, что на меня она смотрит гораздо дольше, чем на остальных: изучает, сканирует взором. Сначала я попыталась так же пристально смотреть на нее в ответ, хотя обычно у меня это выходит с трудом, и я первая отвожу взгляд. В этот раз я тоже не выдержала и опустила глаза, а потом взглянула на остальных девиц. Оказывается, все они тоже на меня пялились и очень уж недоброжелательно.

«Что же тут такое происходит? – с тревогой и любопытством думала я. – Кто они такие? Почему так странно все на меня реагируют?»

Отвернувшись, я стала разглядывать «местные достопримечательности»: не сбегать же теперь. От внимательного изучения детской игровой площадки меня отвлекло чье-то легкое прикосновение. Девушка с пронзительными глазами держала меня за предплечье.

«Сейчас как врежет! – почему-то пришло мне в голову. – А остальные добьют».

– Я выбор сделала. Буду учить тебя, – сказала она и обернулась к девицам в черном. – Вы слышали? Я нашла ученицу.

Ответом было гробовое молчание и все те же недружелюбные взоры, адресованные мне, а может быть, уже нам двоим.

– Чему учить? – с трудом сглотнув комок в горле, пробормотала я.

Востроносая с легким недоумением посмотрела на меня.

– Тому, ради чего вы все здесь собрались. А к чему у тебя будет лежать душа и в чем ты сможешь проявить себя, позже разберемся.

Она снова обернулась на девиц, которые продолжали чего-то ждать.

– А вы все можете идти. Не надо здесь долго находиться.

Те нехотя повставали с насиженных мест и стали медленно расходиться, оборачиваясь на нас и недобро о чем-то переговариваясь. А я чувствовала себя довольно глупо и не могла вымолвить ничего дельного. С одной стороны, девушка явно ошиблась адресом, и из-за этого какая-нибудь из девиц не получила того, что должна была получить. А с другой стороны, хоть я и не представляла себе, о чем речь, меня терзало такое любопытство, что я умышленно молчала о своей неосведомленности.

Эх, Косова, все из-за тебя! Впуталась не пойми во что, а тебя все нет и нет! Правда, сейчас мне уже не хотелось, чтобы появилась подружка. Я чувствовала какой-то контакт между мной и востроносой и не хотела его нарушать. Она же так и продолжала стоять, держа меня за руку.

– Ну, пойдем, – наконец заговорила она и потянула меня к подъезду. А я взяла и пошла. И пусть противная Ленка ждет, сколько влезет, или вообще не является.

Мы поднялись по лестнице к лифту и девушка нажала кнопку вызова.

– Тебя как зовут? – спросила она. – Меня Марина.

– Нина.

Я опять замолчала, хотя вопросы толпились у меня в голове. Пусть все идет как идет, хотя признаться, что я не в теме происходящего, все же придется.

Лифт остановился на тринадцатом этаже.

«Я ни капельки и не сомневалась», – подумалось вдруг. Мы с Мариной вышли и уже через минуту оказались в квартире.

– Ты здесь живешь? – поинтересовалась я, разуваясь на пороге.

– Да. И учу тоже здесь. Мне кажется или ты очень удивилась, что я тебя выбрала? Я почувствовала, что заливаюсь краской.

– Марин, – тихо выдавила я, пряча глаза. – Я и правда удивилась. Дело в том, что я вообще не знаю, о чем речь. Ты извини, но почему-то я не смогла сразу признаться.

– То есть ты хочешь сказать, что оказалась там по другой причине?

Марина закусил губу и принялась сосредоточенно рассматривать свои ногти: аккуратные, не длинные, квадратной формы. И никакого вульгарного черного лака, как у девушек около подъезда. Просто прозрачное покрытие с едва заметным розовым оттенком.

– Да, совсем по другой причине. Я подругу ждала, мы иногда там встречаемся. Прости, что не сказала, но очень уж интересно стало, что происходит.

– Да хватит извиняться. – Марина пристально взглянула на меня, словно пронзая рентгеном, и вдруг повеселела. – Мне надо было об этом подумать. В принципе, ничего страшного, что ты не знала. Скорее всего, если бы даже тебя там не оказалось, девушки все равно ушли бы ни с чем. Я ни в одной из них не увидела того, что искала. И я рада, что ты не стала ничего объяснять на месте и не отказалась. Пойдем на кухню.

Марина привела меня в уютную светлую кухню и включила чайник.

– Макраме когда-нибудь занималась? – задала она странный вопрос.

– В летнем лагере немножко, очень давно, когда мне было лет одиннадцать, наверное, – нерешительно ответила я, усаживаясь на краешек стула. – Сделала одну-единственную поделку, сову маленькую на веточке. Сейчас наверное только шнурок сплести могу. А почему ты спрашиваешь? У тебя клуб рукодельниц?

– Нет, не рукодельниц, и даже не клуб. Но то, что умеешь плести, это хорошо. Я потом объясню зачем. Наверное, поначалу будет звучать смешно.

Я не стала говорить, что мне уже смешно, но почему-то показалось, что Марина и так это поняла. Вода закипела, и хозяйка разлила по чашкам душистый травяной чай и подвинула ко мне вазочку с печеньем. Мы расположились за столом друг напротив друга, и моя новая знакомая какое-то время молча изучала меня, а затем объявила, что владеет неким мастерством, которое назвать можно как угодно – магией, колдовством, ведовством. Она сказала, что есть несколько этапов развития этого мастерства. На одном из них маг должен передать по возможности свои умения и знания ученику, и Марина как раз находится на данном этапе. Правда, на этой стадии она зависает уже давно, потому что ученика найти никак не получается. А дальше развиваться не может без завершения этапа передачи мастерства.

– Я уже отчаялась, – призналась Марина, понурившись. – Не встречаю никого подходящего. Просто невезение какое-то. Я, конечно, понимаю, что все это закономерно, и мне надо приложить больше усилий. Но скольких я уже смотрела, и никто не годится.

Марина замолчала и посмотрела на меня вприщур.

– Вот я сейчас тебе рассказываю, а ты хоть во что-то из этого веришь?

– Если ты про обучение и все его стадии, так я просто об этом никогда не слышала. А если про то, верю ли я в потусторонние силы, то да, наверное, можно сказать, что верю. Я не знаю, что это и где это, – *по ту сторону*, – но верю, что сверхъестественные явления на самом деле бывают.

Чудесный аромат заваренных трав разливался по кухне. Я сделала несколько глотков напитка и ощутила легкий прилив бодрости. Несмотря на довольно жаркую погоду, горячий чай тонизировал и придавал сил.

– Я тебя спросила, – продолжала Марина, – потому что встретила однажды девушку, которая подходила на все сто. Как я это понимаю, не могу объяснить, просто чувствую и все. Она смогла бы многое, если бы захотела. Наверное, даже больше, чем я. Но ее мой рассказ только рассмешил. Не признавала она существования ничего потустороннего. Она извинилась за то, что не может меня поддержать, а я – за ее потраченное время, и мы расстались по-

дружески, но ты бы знала, как страшно я расстроилась. Ведь я видела, что из нее выйдет толк! А ей это было не нужно, она ни во что не верила.

«Мы умираем, куда попадаем, по-твоему? – спрашивала я ее. – Что с нами происходит?»

«Лежим, гнием, – отвечала. – Небытием все заканчивается».

Пыталась ее убеждать, приводила примеры, готова была доказать – чтобы она увидела своими глазами, но она отмахнулась. Не пытайся, сказала, меня уговаривать. Если, мол, что-то и есть, даже связываться с этим не желаю.

Марина замолчала, погруженная в свои мысли. Она мне показалась немного странной. Мы были знакомы всего ничего, а она мне уже рассказывала про какую-то неудачу в своей жизни, как будто знала меня давно и только от меня могла получить поддержку. Забегая вперед скажу, что в нынешнем нашем общении она тоже часто непредсказуема. Насколько откровенной и близкой она может быть в одни моменты, настолько же вдруг входит в роль строгой наставницы, несмотря на наше давнее знакомство. И часто мысли ее перебегают с предмета на предмет совершенно необоснованно. Может рассказывать об одном и вдруг спросить совершенно об ином.

– Ну так вот, – Марина очнулась от воспоминаний. – Готова ли ты принять этот дар? Я хочу тебя учить, несмотря на нашу совершенно случайную встречу. Ведь можно искать последователей повсюду, вглядываться в каждого. Обращаться с назойливыми вопросами: готовы ли вы меня выслушать? Можно, как делала это я, собирать вот такую компашку желающих получить мастерство и выбирать из них. Но там же не из кого выбирать! Большинство из них даже не знает, чего хочет. Они желают просто чему-то научиться. Ведьмами, видите ли, стать мечтают! Одеваться в черное да на шабаши летать!

У моей новой знакомой зарумянились щеки, она возмущенно жестикулировала. Я подумала, что, наверное, Марина совсем измучилась со своими поисками. Видимо, этот шаг и правда имел для нее огромное значение. Может, я для нее была последней соломинкой, за которую она отчаянно цеплялась.

– У нас же как... – Марина внутренне собралась и заговорила спокойнее. – Я передаю мастерство, а ты даешь клятву, что используешь его только в благо. Ты не имеешь право никому причинять вред, даже если кому-то другому от этого будет польза. Взять, к примеру, приворот. Поначалу кажется, что это кому-то сделает хорошо: во-первых, тому, кто добьется любви. Ну и тому, кого приворожат, тоже вроде должно быть неплохо. На самом деле ущерб будет нанесен всем. Я тебе потом подробнее расскажу, если ты решишь остаться.

Если ты поклянешься приносить добро, но попытаешься использовать свой дар во вред людям или для удовлетворения личных, низменных потребностей, у тебя, конечно, получится. Только в итоге все равно ничего хорошего не выйдет. Таков закон дара, которым мы наделены. И действует он независимо от нас.

Эти девушки, которых ты сегодня видела у моего подъезда... Мало кто из них на самом деле чувствует, что обладает какими-то способностями. Либо это им кажется, либо просто очень хочется. Они думают, что это легко – родившись обычными людьми, не имеющими никакого отношения к нашему мастерству, обложиться книгами по колдовству и приступить к делу. Если долго мучиться, что-нибудь получится. Возможно, и получится, да не то. Этакая новоиспеченная ведьмочка столько дел может наворотить, что самые опытные маги с трудом разгребут!

По мере того, как Марина говорила, меня все больше наполняло очень странное чувство. Мне становилось все интереснее. Я поняла, что мне до ужаса хочется учиться у нее, перенимать опыт, знания и мастерство. Познавать то, о чем раньше практически никогда не задумывалась. Я слушала, и перед глазами вдруг всплывали обрывки воспоминаний о странных событиях, случившихся когда-то в моей жизни. Я не хранила их в памяти и не придавала им

значения, считая просто совпадениями. А теперь мне начинало казаться, что многое происходило неспроста.

Заслушавшись Марину, я напрочь забыла про Ленку, которая, по идее, должна была меня ждать возле клена. Как выяснилось впоследствии, прямо на выходе из своего подъезда у нее сломался каблук на новых дорогуших туфлях. Она тут же вернулась домой и принялась за длительный рев. Выплакав необходимую дозу жидкости, она надела менее новые, но не менее дорогие туфли, но взглянула на себя в зеркало и решила никуда не идти: несимпатичное отражение с пунцовым носом смотрело на Ленку красными кроличьими глазами. Мою подругу очень портили слезы. Чтобы не разреветься еще раз, Ленка сбросила туфли, отправилась в свою комнату, плюхнулась на кровать и тут же заснула. В этом я всегда ей завидовала: человек, не понимающий значения слова «бессонница». Про меня она с горя просто забыла.

– Конечно, они хотят как-то упорядочить всю информацию, которую бессистемно насобирали в разных местах, – говорила Марина. – Поэтому и обращаются ко мне или к таким, как я. Но мне они не подходят. Мне нужна другая ученица. Вот ты подходишь. Я просто это знаю. Были среди сегодняшних и такие, что действительно обладают способностями, нужно только направить их в верное русло. Но у них несколько иные цели, чем те, которые должны ставить перед собой мои последователи. Они хотят развить дар, чтобы пользоваться своей силой в личных интересах. И не важно, что далеко не всегда от этого будет хорошо другим. Я не имею права их учить.

– Марина, я хочу. Хочу учиться, – наконец тихо сказала я. – Я совсем не ожидала такого поворота событий, но рада, что наша встреча произошла.

– Я тоже не ожидала. Думала, ты одна из них, просто наконец мне повезло. Хотя, в общем, мне действительно повезло. А может быть, это не случайность. Может, настало мое время переходить на новый этап. Сегодня мы уже ничего делать не будем. Я хочу тебя попросить, чтобы ты постаралась вспомнить все, что может тебя отличать от обычных людей, если, конечно, такие случаи в твоей жизни были. То, что у тебя есть особые способности, я знаю наверняка. Но может быть, ты сможешь мне открыть их. Чтобы не искать случайным методом.

– Хорошо, я попытаюсь. Мне даже кажется, что я кое-что уже вспомнила, – ответила я.

– Вот и замечательно. Давай встретимся ровно через неделю. Я пока подготавливаю к обучению, ведь для меня это тоже новый шаг. А ты за это время оценишь, насколько твердо твое решение. Потому что, запомни, пути назад не будет. Если ты откроешь глаза на то, что обычных людей не касается, закрыть их уже не сможешь. Хорошо подумай и приходи через неделю прямо сюда. Давай без созвона, просто в это же время. Сможешь?

Я кивнула.

– Если тебя не будет в этот день, – Марина вздохнула, – я подожду еще одну неделю. Слишком жалко мне терять то, что нашла. Но если ты опять не придешь, я расценю это как отказ и буду опять искать. Договорились?

– Договорились. Только я обязательно приду, я уже это поняла.

Марина проводила меня до лифта, мы попрощались, и я поехала вниз. Я чувствовала некоторое опустошение, и серьезные мысли никак не хотели задерживаться в голове. Я подумала, это из-за того, что новая знакомая пыталась сканировать меня. Проникнуть в душу или хотя бы определить... Как это называют в книжках? Ауру, поле?

Махнув рукой, я постаралась не углубляться в подобные рассуждения. Все равно багаж моих знаний на эту тему состоит из бегло прочитанных статей в желтой прессе да мистических романов. Ну и книги Монро «Путешествия вне тела». Но об этом нужно подробнее и – позже.

* * *

Итак, в запасе у меня была одна неделя. Всего неделя или целая неделя? Много это времени или мало для такого решения?

Первые два дня я даже мысленно не возвращалась к этой теме. Словно что-то заблокировало эти думы. Я занималась домашними делами весь остаток субботнего дня, а в воскресенье отправилась за приятными покупками. Я бродила по продовольственной ярмарке и покупала вкусную еду, вернее то, из чего впоследствии планировала ее сотворить, чем я и занялась, вернувшись домой.

Раздумья настигли меня к вечеру в понедельник, когда я вернулась с работы. Пора было принимать решение. Когда я сидела у Марины, мне казалось, что ответ лежит передо мной, как на ладони. Но спустя некоторое время в голове зароились сомнения и начали появляться вопросы. Не то чтобы мне не хотелось этим заниматься, просто раньше такие вещи не приходили мне в голову. Я не задумывалась о своих способностях, которые почувствовала во мне Марина. Она сказала, что обратного пути не будет. Что это значило? Когда я находилась рядом с ней, все казалось предельно ясным. Сейчас от меня стал ускользать смысл этих слов. Что станет не так? Что я потеряю?

Я забрела на кухню и устало опустилась в кресло. Что же может открыться плохого, если я соглашусь? Как сказала Марина, придется дать клятву использовать свои умения только во благо. Причем не в частном смысле, а в общем. Нельзя осчастливить человека, сделав несчастным другого. Наверное, не будет обратного хода в том плане, что я буду не вправе отказывать в помощи людям. Ну что ж, это не так страшно.

Но вряд ли Марина имела в виду это. Я постаралась дословно припомнить ее слова. Что-то вроде «когда открою глаза, закрыть не смогу». То есть я что-то такое узнаю, о чем невозможно будет забыть. Возможно, не смогу жить прежней жизнью. Что-то действительно изменится. Но насколько это страшно? Я пока не видела ничего опасного. Может быть, я не понимала, чем это все чревато. Но ведь мне было очень интересно владеть такими знаниями, обладать необычными способностями. Раз я что-то могу, то должна это развивать. Наверное, есть люди, которым все это не нужно. Которые не верят, а если и верят, не хотят связывать себя с подобными делами. Желают жить, как жили. А я была охвачена сильным любопытством. Мистика всегда интересовала меня, хотя до этого момента только вымышленная, почерпнутая из романов. А если я на самом деле владею даром? Как можно отказаться от этого?

Честно признаться, закралась мыслишка, что Марина вообще все это придумала. Может же быть человек не в себе. Нафантазировала ерунды и голову мне заморочила. Ведь никаких доказательств я не видела. Она просто сказала, что обладает знаниями и умениями, недоступными большинству людей. И что видит во мне способность к обучению. А я взяла и приняла на веру.

Но тут я вспомнила свое состояние после посещения Мариной квартиры. Тогда я чувствовала какое-то духовное опустошение. Нет, не придумала это все Марина. Она не обычный человек. И, по всей видимости, я тоже. От этой мысли меня охватило приятное волнение. Почему-то безо всяких видимых доказательств я поверила в сказанное моей новой знакомой. Я решила прийти в указанное время и дать свое окончательное согласие. Марина просила вспомнить необычное из моей биографии. Я подумала, что пока достаточно будет того, что я туда отправлюсь. Забивать голову сейчас этим не хотелось. Я просто приду и все.

Глава 2. Первый урок

– Ну, раз ты пришла, значит готова пополнить наши немногочисленные ряды, – улыбнулась в ответ на приветствие Марина. Я согласно кивнула. – Стало быть, перейдем к делу.

Мы уселись за стол в кухне. Марина, как и в прошлый раз, налила мне чаю и выставила на стол плетеную вазочку с домашним печеньем. Затем моя учительница приступила к объяснению нового материала. Для меня, правда, все было новым, так что это, скорее, оказалась вводная лекция.

– В магии множество направлений, но мы – я и мои так называемые коллеги – не придерживаемся какой-то одной магии. Мы считаем, что стоит делать все то, что получается. Удастся ясновидение или получается гадать – предсказывай, удастся влиять на человеческий организм – излечивай. Главное, чтобы все это было во благо, а не во вред окружающим. Ничего плохого нет, если ты делаешь это исключительно для себя. Главное, не вреди. Поэтому, сама понимаешь, сразу отменяются все привороты, сглазы и тому подобные воздействия.

– Извини, я тебя перебую, – вставила я, – а снятие приворотов? Это позволено?

– Вообще это очень сложный процесс, и он не всегда возможен. Иногда можно даже усугубить ситуацию. Но это отдельная тема, я постараюсь тебе все объяснить. Сейчас об этом рано говорить. Мы еще не знаем, к чему у тебя лежит душа и какие у тебя способности. Если вдруг в тебе действительно обнаружится настоящая сила, то будет смысл подумать и о исправлении чужих ошибок. Приворот – это такая на самом деле гадкая вещь! Менять насильно ход событий и судьбу нельзя, все это приводит к необратимым последствиям. В итоге никто не останется счастливым, разве только на очень короткий отрезок времени. А дальше все покатится по наклонной. Отложим это на потом. Но перебивать меня не стесняйся. – Марина снова с одобрением улыбнулась. – Чем больше ты спросишь, тем мне легче будет. Может быть, я даже определю, к чему ты тяготеешь. Ты моя первая ученица, и, пусть я опытный маг, но педагог пока из меня не очень. Твои вопросы меня направят.

– Ох, вопросов-то у меня множество! Но они все роятся в голове, друг друга перебивают и путают меня. Наверное, мне стоило бы все записать и прийти сюда с готовым списком, но беда в том, что когда я осталась наедине с собой, меня охватило какое-то опустошение. Я сразу поняла, что хочу учиться. Но что для этого делать, я не представляла, – начала сбивчиво оправдываться я.

– Поэтому я и предложила спрашивать сразу, с ходу! – засмеялась Марина. Улыбка осветила ее лицо. – Я ведь понимаю, сама такая была. Хотя, когда у тебя в голове чуть-чуть уже уложится, лучше записывай. Какие-то вещи все равно придется заносить на бумагу. Ведь это учеба как-никак. Все на свете не запомнишь.

– Тогда сперва вопрос не очень по нашей теме: сколько тебе лет? – спросила я и, кажется, покраснела. – Это не просто праздное любопытство. Мне интересно, если ты уже учитель, значит, знаешь и умеешь многое. А мне кажется, что на освоение такой науки как магия требуется очень много времени и сил.

– А я очень молодо выгляжу, поэтому тебя это удивляет? – Марина посмотрела на меня долгим, пронизательным и слегка снисходительным взглядом. – Не удивляйся, но я намного тебя старше. Но я должна быть крепкой, мне нужно долголетие, ведь я еще только-только встретила первую ученицу. И очень надеюсь, что я нашла именно того, кого надо.

– Скажи, а ты пользуешься какими-то книгами? Я иногда бываю в эзотерическом магазине, там столько всякой литературы. Не представляю, как можно из такой кучи информации выбрать необходимую.

– Когда ты знаешь, что ищешь, то выбрать не составляет труда, хотя все самое необходимое находится внутри нас. Но если ты чувствуешь, что тебе нужна та или иная книга – поку-

пай и читай. Ты все сама потом начнешь понимать! Кстати, ты когда-нибудь что-то подобное читала?

– Может быть. Я не знаю, существует ли какая-то взаимосвязь между магией и тем, чем я интересовалась. Я читала книгу «Путешествия вне тела». И какую-то еще брошюрку из интернета на ту же тему.

Во взгляде Марины, сидящей напротив, я неожиданно увидела удивление и нескрываемый интерес.

– Ну-ка, давай поподробнее! Почему? Что подтолкнуло тебя к выбору именно этой книги? Как ты нашла ее?

– У меня иногда бывали странные ощущения во время сна. Меня они беспокоили. Мне посоветовали почитать Монро, и я успокоилась.

– У тебя получается? Ты выходишь в астрал?

– Иногда мне кажется, что да, а иногда – что это только сны.

– Мы обязательно должны это обсудить! – Марина явно была приятно поражена. – Опять же не сейчас, иначе мы совсем с тобой запутаемся. Ты знаешь, я очень рада. Особенно за себя. С каждой минутой убеждаюсь, что я нашла именно того, кого надо. Вот что! Даю тебе первое домашнее задание. Помимо того, что ты запишешь все приходящие тебе в голову вопросы, – как закономерные, так и, на первый, взгляд глупые, – ты еще хорошенько обдумаешь и вспомнишь все, пусть даже самые незначительные, странности в твоей жизни. Все моменты, которые могут быть расценены как сверхъестественные или непонятные. Все-все, что сможешь вспомнить. И тоже запишешь. Впрочем, я уже просила об этом в первую встречу, но ничего страшного. Достаточно уже того, что сегодня ты просто пришла.

– Принято! – я улыбнулась. – Это я могу не записывать, домашнее задание я точно запомню!

– Не сомневаюсь. Надо же, как странно. Я могла предположить, что ты читала книги о чем угодно – гаданиях, астрологии, гороскопах, именах и числах. Но что ты заинтересуешься книгой об астральных проекциях!

– А если бы я читала гороскопы? Это все неправда, что пишут?

– Ну почему же неправда? Важен подход. В то, что печатают в еженедельниках – прогноз на завтра, на неделю, на год, – верить, конечно, глупо. Но если грамотный и одаренный астролог составит индивидуальный гороскоп, то это совсем другое дело. Только учитывать при его составлении надо такое множество факторов, что мало кому это под силу.

– А что вы используете, когда гадаете? И даже не только гадаете, а вообще. Амулеты, карты... Это все вы не отрицаете?

– Зачем же отрицать? Понимаешь, Нина, сама по себе колода карт может ничего и не значить. Но берешь их в руки ты, человек наделенный способностями, и они начинают говорить. То есть говоришь ты, а они тебе подсказывают. А другому человеку не подскажут. Для него они – просто яркие картонные карточки.

– То есть, когда сидят женщины, карты раскидывают, друг другу гадают, не факт, что сойдется?

Вопросы не иссякали, я чувствовала, что перескакиваю с одной темы на другую, но боялась упустить хоть что-то, забыть важное. Марина терпеливо отвечала на все, и я видела в ее глазах одобрение и радость.

– Скорее всего и не сойдется. Они знают, что символизируют знаки. Но в том-то и дело, что знаки для них ложатся не те. Просто карты.

– А гадание по ладони? Тут же знаки не меняются: как есть линии на ладони так и есть.

– Хиромантия – это немного другое. К ней мы тоже потом вернемся, если еще интерес не пропадет. Но твой вопрос я поняла. В общем, независимо от способа предсказания, абы кому будущее не откроется. Просто запомни это.

Марина помедлила, видимо, раздумывая, выкладывать ли последнюю на сегодня информацию. Она решилась, и я услышала про совершенно неведомую мне раньше вещь.

– И вот что я тебе еще скажу: мы используем особенное приспособление. Вряд ли ты о нем слышала, это по линии одной из наших коллег передавалось из поколения в поколение, она к нам в сообщество его и принесла. Не знаю, как лучше объяснить, чтобы тебе было понятнее: это своего рода талисман, амулет. Мы называем это кнотен. Делаем его сами: плетем. Процесс довольно трудоемкий, потому что каждый узелок, каждая петелька создается со смыслом. Плетешь медленно и вдумчиво, концентрируясь на каждом движении. То, что ты вложишь в свое изделие, будет потом тебе помогать. Какие-то формулы, заклинания – все это осядет на узелках твоего кнотена. В законченном виде он будет сильным оружием, защитой и помощью. На что ты настроишь его, тот смысл он и понесет. Возможно, ты слышала об узелковой магии?

– Да, – сказала я, радуясь, что не совсем далека от того, чему пришла учиться у Марины. – Слышала.

В памяти всплыли воспоминания периода лагерного детства. Тогда многое передавалось перед сном из уст в уста в девчоночьих палатах. Хаотичное собрание суеверий, примет, гаданий, страшных историй. Не знаю, чем сейчас занимаются дети ночами в лагерях отдыха, хотя подозреваю. Ну а у нас были традиционные вызывания Пиковой Дамы и завершающие лагерьный сезон «королевские ночи», после которых лица многих детей были испещрены красными полосками от ядерной зубной пасты. Каждую ночь, перед тем как заснуть, мы рассказывали друг другу жуткие истории про Зеленые глаза или Гроб-на-Колесиках. Потом это все приелось, и я, обладая богатой фантазией, принялась придумывать собственные страшилки, совершенно не похожие на остальные. Девчонки меня слушали, затаив дыхание, и мне это льстило, хотя несколько удивляло, неужели это взаправду интересно? Ведь я несла все, что только придет в голову. А туда чаще всего приходили истории про ожившие статуи или куклы, потому что их я боялась сама. В туалет, находящийся в отдалении от жилых корпусов, ходили потом по несколько человек, шарахаясь от каждого куста.

Следом на память пришел не очень хороший мой поступок. Дело происходило в больнице, и было мне десять лет отроду. Я и в больничной палате рассказывала все эти страшные байки, а меня любили слушать. Правда, не все, а только девочки моего возраста и помладше. Палата была разновозрастная, на десять коек, и старшие девушки уже имели свои, отличные от наших, интересы. Моей любимой историей была страшилка про Красную Голову. Я не сама ее придумала, однако в моих пересказах она обрастала подробностями и новыми деталями. Заканчивалось там, как всегда, все плохо. В палату тем временем поместили новенькую – тихую восьмилетнюю девочку. Ей тут же во всей красе была преподнесена история про Красную Голову. Та, оказывается, обосновалась на потолке именно у нас: это было проклятие нашей палаты. Помимо того, что Голова ночью пугала бедных детишек, в их отсутствие она еще и шалила: связывала между собой чью-нибудь одежду, снимала с больничных коек крючки, которые скрепляли между собой пружинки, отчего матрасы проседали вниз, после чего спать на такой кровати становилось очень неудобно. Естественно, что все эти неприятности случились с новенькой пациенткой. Она поверила в Красную Голову и боялась ночью засыпать. Потом мне было немножко стыдно.

Но что-то из лагерных баек, оказывается, несло в себе пользу: именно там я узнала про магию узелков. Мимоходом. Одна девчонка рассказывала все, что знает о таинственном мире колдовства. То, что я слышала тогда, было похоже на рассказ Марины.

– Это то же самое? Вы практикуете узелковую магию?

– И да, и нет.

Марина ненадолго задумалась.

– Как бы тебе это лучше объяснить? Мы стараемся черпать понемногу из разных источников. Кто-то посчитает, что это неправильно и что, если уж чем-то занялся, то должен узнать

об этом досконально. Но ведь это личное дело каждого. Узелковой магией в общепринятом понимании этого слова мы не занимаемся. Мы не колдуем при помощи узлов. Мы делаем себе помощника. – Марина вдруг засмеялась. – Так называемую волшебную палочку. И она состоит не из единственной веревки с несколькими узелками. Полностью законченный кнотен представляет собой деревянную рамку, где от одной стороны до другой натянута веревочка, а на них разные узелки. Такая вещь изменениям и дополнениям не подвергается. Она будет действовать под влиянием того, что ты в нее вложила в процессе изготовления. Но кнотен можно сделать и в виде одной планки, от которой отходят шнурки с узлами. Шнурки эти в свою очередь могут заканчиваться еще одной планкой, а могут просто болтаться. Но лучше всего сделать полный кнотен: он будет самый сильный. Главное, не торопиться, чтобы не упустить чего-либо. Какие-то узлы можно связать между собой, и все они могут быть разными.

– Да это прямо настоящее ремесло, – вставила я.

– Поэтому я тебя вначале про макраме и спросила!

– Теперь понятно.

– Ну, что? – вздохнув, произнесла Марина и тепло улыбнулась. – На сегодня, я думаю, вполне достаточно и информации, и заданий. Жду тебя через неделю, как сегодня. Сможешь?

– Конечно! – подтвердила я. – У меня никаких планов еще нет, а теперь, если мы будем по субботам встречаться, я ничего планировать на этот выходной не буду.

Марина проводила меня до двери, и я отправилась домой.

Глава 3. Домашнее задание и новые открытия

К домашнему заданию я постаралась подойти со всей ответственностью и сразу же столкнулась с проблемой памяти. Когда от нее не требуется напряжения, она в самый неожиданный момент может подкинуть какое-нибудь воспоминание, ни с чем не связанное. Просто запах что-то навеял, или звук, или что-то еще. А тут мне надо было вспомнить все, что происходило необычного в моей жизни, – причем именно вспомнить, я ведь знала, что необычное было, – и память сразу сдалась. Ничего не знаю, мол, ничего не ведаю.

Я сидела дома за пустым кухонным столом, скрестив пальцы рук, и тщетно пыталась выудить хоть какое-то сверхъестественное воспоминание. Не выдержав пустопорожнего сидения, я заварила мятный чай и принялась медленно цедить его вприкуску с соленым печеньем.

Что было странного в моей жизни? Выходы из тела. Но про это я Марине уже рассказывала, вернее, упоминала. Однако стоило записать. Что еще? Выходы, выходы... вдруг они мне только снились? Сны?

Да! Сны мне иногда снились вещи. Хоть мне и не нравилось слово «вещи», события из сновидений иногда потом случались наяву. Но не любые, а те, о которых я задумывалась. Когда от сна оставался осадок, словно после недосказанной истории. Такая история потом не раз находила свое завершение в обычной жизни, правда, чаще в незначительных ситуациях. А иногда сбывались даже не сны, а просто ожидания или предположения. Это тоже стоило записать.

Мысль о воплощении снов и ожиданий выдернула из памяти еще одну мою способность. Как я могла упустить? У меня же гадания на картах сбываются!

Гадать в прямом смысле этого слова я не умею. Настоящие гадалки помнят все значения карт, знают их толкования в разных раскладах. У меня же есть такая специальная, удобная колода, где на картах расписаны все ситуации и подсказки: что означает любая карта в зависимости от того, с чем лежит рядом. И пусть я всегда считала свою гадальную колоду шуточной и сделанной для развлечения, предсказания на этих картах очень часто сбываются! А Марина как раз говорила: не важно, что помогает тебе предсказывать, главное, что тебе это дано. Может, карты говорят со мной? И не важно, что они не настоящие? Нельзя, конечно, быть настолько уверенной, но записать и рассказать об этом стоит.

Память постепенно проснулась и заработала. Она стала помогать мне. Я вспомнила, как несколько лет назад мой отец ездил к своей матери в Молдавию. Моя бабушка была уже совсем старенькая, но сохранила здравый ум и ясную память, и папа спросил ее о наших предках. С ее слов он нарисовал семейное древо: некую схему, где значились лица, о которых я ничего никогда не слышала. В принципе, это наша, наверное, неурядица. Мы очень мало знаем о своих родственниках, живых и почивших. Мы – в смысле наша семья. Так вот, из бабушкиных рассказов выходило, что две или три моих прапрабабки были деревенскими знахарками. А одна из них обладала еще и даром ясновидения. Если это семейное, оно обычно передается не меньше, чем через поколение. Молдавская бабушка хоть и двигалась еле-еле, могла снимать свою же боль простым прикосновением ладони. И жила она потому, что жила. И, чем я особенно всегда восхищалась, когда кто-то спрашивал ее о самочувствии, в ответ не слышал жалоб. Бабушка говорила, что чувствует себя так, как и должна в восемьдесят пять лет. Мол, все происходит закономерно. Старенькая, вот и плохо, а жаловаться грех. Старенькая, а живая. Отцу не было свойственно ничего сверхъестественного, а я ведь вполне могла перенять через поколение хоть какие-то способности.

Я судорожно строчила в тетрадке, безумно боясь что-либо упустить. Пусть это будут не очень важные мелочи: я покажу свои записи Марине, и она сама выберет существенное.

Память разошлась и стала подбрасывать мне новые и новые открытия. Мне неожиданно вспомнилось, что по маминой линии в роду у нас были цыгане. Не знаю, кто и когда, но бабушка рассказывала, что были, а они ведь самые мастера ворожить. «Ах, колдунья, ах смуглянка, даже страх берет немножко. Ах ты, цыганочка-цыганка, не то дьявол, не то кошка», – даже песенка такая была когда-то.

Наконец я подустала и начала отвлекаться. Утомленные мысли принялись скакать, как им заблагорассудится, и больше ничего в голову не приходило. Пришлось довольствоваться малым. Ничего, Марина все поймет. Она ведь выбрала меня из всех. А я, в отличие от остальных, даже не мечтала об этом. Все, что смогла, я вспомнила. Попозже надо было записать вопросы к Марине, но пока стоило сделать перерыв.

А еще меня очень занимала идея создания кнотена. Мне нужны были любые две дощечки, на которые я могла нанизывать свои шнурки и выплестать себе помощника. Пока мне нечего было вложить в смысл узлов, и я даже не представляла, как это делается, зато я уже могла поискать дощечки. Две обычные планки мне показались скучными. Я решила подойти к этому более творчески и... мистически.

Человека, который смог мне помочь, я нашла без труда. Я еще не прекратила общаться с одноклассниками, хотя прошло около десяти лет со дня последнего звонка. Мой школьный приятель Леха не пошел в институт, он с детства любил возиться с деревяшками. Сейчас он был профессиональным резчиком по дереву. Его работы показывали по телевизору, они украшали музеи. Мне даже не обязателен был такой профессионализм, но его способности оказались очень кстати. Еще больше мне пригодилась его природная тактичность. Он даже не спросил, зачем мне это нужно, просто сделал мне дощечки. Вырезал то, что я просила, отшлифовал, покрыл лаком, сделал дырочки для будущих шнурков. Перед очередным походом к Марине у меня были две замечательные и очень оригинальные планочки.

Я решила, что мои дощечки, пусть это первый кнотен, должны быть и сами преисполнены смысла. Выяснив, что по гороскопу друидов мое дерево – сосна, я попросила Лешу сделать их из этой древесины. По восточному календарю моим знаком зодиака была змея, по западному – рыбы. Товарищ выпилил для меня планочки в виде длинных плоских рыб, вокруг которых обвивались чешуйчатые змейки. Символизируя тригон, объединяющий рыб, скорпионов и раков, на моих дощечках «осели» капли воды. Леша искусно вырезал их, и под блестящим слоем лака казалось, что это действительно живые водяные капельки. Отверстия в планках он проделал практически незаметные, чтобы не портить общий вид, но мне не составило труда вдеть сквозь них шнурки. Я полагала, что справилась с домашним заданием, если не на пять, то на пять с минусом уж точно. Конечно, это не я, а Леха справился, но ведь идеи были мои. Товарищ же за труды получил бутылку неплохого коньяка, чему очень даже обрадовался: не дурак он был выпить.

* * *

Мои ожидания не только оправдались, меня поразила реакция моей учительницы! Когда Марина увидела планки, в комнате воцарилась минута молчания. Я не успела отдать ей свои записи, просто сразу с порога решила похвастаться дощечками для будущего кнотена. Пауза тишины наконец раскололась возгласами Марины.

– Это что?!

– Я хочу из этого сделать кнотен, – смущенно пробормотала я. Несмотря на наши доверительные отношения, я перед Мариной робела.

– Так, молчи, я сама.

– Что ты сама? – мой тихий голос тонул даже в легких шумах, залетавших через приоткрытое окно.

– Хочу сама разгадать эту загадку.

Марина долго вертела мои дощечки в руках, то приближая их к глазам, то отдаляя и словно любуясь.

– В общем, загадка, конечно, не сложная. И это даже не загадка, а просто отражение тебя.

И я тебе скажу, что...

Я вытянулась в ее сторону, ожидая резюме. Марина, хитро прищурившись, улыбнулась.

– Ты хотела этим сказать, что по гороскопу ты змея и рыбы. По друидам – сосна. Не удивляйся ты так, это же просто! – Она расхохоталась, увидев мое изумленное лицо: как может человек понять, из какого дерева сделана планка? – Если ты не различаешь материал на глазок, это не значит, что это сложно другим. К тому же каждое дерево словно звучит по-своему. Его даже на ощупь можно узнать. Я научу, не волнуйся. А еще ты хотела обозначить, что твой тригон подчиняется воде.

Я не особо удивилась ее оценке, ведь все символы были очень доступны и известны. Но почему-то я ожидала, что Марина подумает, что я просто решила сделать красивые дощечки, не вкладывая в них смысл.

– Я собой горжусь! – провозгласила Марина, и я ее поняла. Она имела в виду, что я тот человек, которого она искала. – И тобой тоже. Ты сможешь постигнуть нашу науку и многому научиться. Хотя уже кое-что умеешь.

Я сидела напротив нее и чувствовала, как у меня розовеют щеки. Марина оценила мою домашнюю работу. Я просто хотела сделать что-то символичное и близкое мне. Но оказалось, что попала в самую цель.

– Нина, думаю, ты уже можешь начинать свой кнотен. Я собиралась оттянуть этот момент, но чувствую, у тебя получится вложить смысл хотя бы в первые свои узлы. А теперь рассказывай скорее все, что вспомнила и что хотела спросить.

– Марин, то что вспомнила, я записала. А вот с вопросами у меня туго. Когда ты что-то объясняешь, они сразу появляются. А наедине с собой не могу задать ни одного.

– Ну и не страшно, – рассмеялась моя учительница. – Давай записи. Или так расскажешь?

Я рассказывала, изредка подглядывая в тетрадь. Помнила все, но боялась упустить любую деталь. Марина слушала внимательно, серьезно, и на ее переносицу легла острая складочка.

«Какая она все-таки милая», – пришло мне в голову, когда я закончила говорить и с надеждой взглянула на Марину. Та пока молча сидела рядом, тихо улыбаясь своим мыслям. Никогда бы не сказала, что этот человек практикует магию. Интересно, когда-нибудь она что-то не очень хорошее делала или только людям помогала? Неожиданно Марина ответила на незаданный вопрос.

– Бывает такое состояние, в принципе, обычное для всех людей. Когда тебя довели, обидели или расстроили. И, если ты обычный человек, то пошлешь их всех нецензурно – вслух или мысленно – либо сорвешься на ком-то невиновном и нагрубишь, либо разобьешь дома, к примеру, тарелку. Ну а мы можем несколько больше и иногда произвольно это используем, не желая никому зла. В ответ на негативную ситуацию возникает соответствующая реакция. И вместо того, чтобы в ответ нагрубить обхамившей тебе в очереди тетке, ты сдерживаешься и... Как думаешь, Нин?

– Мысленно говоришь: «Чтоб тебя!» – сказала я первое, что пришло в голову.

– И?

– И тетка ногу подворачивает и спотыкается или что-то в этом роде, – предположила я.

– Похоже на правду. В первые секунды думаешь нехорошее без задней мысли. Наподобие того, что ты сказала. А оно берет да сбывается. Потому что мы все-таки ведьмы. И все сказанное усиливается нашими способностями. А потом придется это отменять.

– Как это?

– Ну, так. Ты что-то кому-то пожелала нехорошее. У обычного человека такой посыл не возымеет последствий, он просто разрядится подобной фразой – грубой или злой. А наше послание сбудется, и придется это исправить. И все же лучше просто держать эмоции под контролем.

– Трудно.

– Надо научиться.

– Что ж, я готова, – почти торжественно произнесла я и задумалась. Что-то в словах Марины не давало мне покоя. Наконец до меня дошло. – Марин, а почему ты сказала, что мы ведьмы?

– Потому что так оно и есть.

Я с удивлением взглянула на учительницу. Не так давно я мысленно окрестила «ведьмами» всех собравшихся у подъезда размалеванных девиц, а оказалось, что и Марина так себя называет.

– Только не говори, что ты не хочешь называться ведьмой. Глупо, если это все равно так. Мы ведьмы. Только почему-то это слово чаще употребляют по отношению к тем, кто связывается с темными силами. Мы же несем добро.

– То есть мы добрые ведьмы, – подытожила я.

– Можно и так сказать. Ты вслушайся только: ведьмы – от слова ведать. Тебя в этом что-то пугает?

– Нет, Марин. Ты извини, я просто должна ко всему привыкнуть. У меня будет еще задание?

Марина лучисто улыбнулась.

– Нет. Дальше попробуй двигаться самостоятельно. Ты молодчина, все сама почувствуешь. А сейчас я хочу совсем о другом поговорить. О нашем пристанище.

Тут Марина замолчала. На лице ее отражалось сомнение, словно она сейчас решала, рассказывать ли мне или отложить на потом. Я вдруг услышала, о чем она думает: возможно, она как раз этого хотела.

«Кажется, мой рассказ похож на то, что обычно говорят сектанты...» – словно шелестели мысли Марины.

– Вы – секта? – поразила я.

– Ух ты! – воскликнула Марина и откинулась на спинку кресла. – Я тебе эту мысль не внушала, ты сама ее прочитала. Ты делаешь такие успехи, которые я не делала на подобном этапе.

– Так вы все-таки секта? – повторила я, внутренне сжимаясь и не обращая внимания на радость учительницы. Я очень нехорошо воспринимаю объединения такого рода. Мне вдруг стало страшно, что Марина принадлежит к какой бы то ни было секте. Я точно знала, что в этом случае я с ней не останусь, хотя мне было бы тяжело потерять новую подругу и наставницу.

– Да что ты! Мы не секта. Разве мы кого-то увлекаем, обманываем? Нам не нужны люди и их средства, как это происходит в подобных организациях. Мне нужна последовательница и ученица, я хочу передать мастерство и нуждаюсь в этом. Я говорю «мы», потому что я действительно не одна такая. Мы ведьмы. Мы ведаем, умеем ворожить и лечить. Нам не нужно много новых людей. Важно лишь, чтобы не затерялось, не забылось наше умение. Если бы мы были сектой, я бы, напротив, призвала всех тех девушек, что пришли ко мне на отбор. Ну, ты помнишь.

– Да помню. Это было такой неожиданностью.

– Ну так вот. Если появились сомнения, подумай хорошенько, стоит ли тебе идти дальше. Мы не являемся сектой. Я говорю «мы», потому что у нас общий подход к магии. А не потому что нас много и надо еще больше.

Я испугалась, что разозлила Марину. Я вовсе не хотела уходить.

– Прости.

– Да не извиняйся, – махнула рукой Марина. – Просто секта и наш маленький коллектив – настолько разные вещи! Мы даже не объединены, просто умеем почти одно и то же. Наверное, я поторопилась, решив рассказать тебе о нашем месте.

– Марин, я не хотела обидеть тебя, просто испугалась, что вдруг вы – что-то вроде московской церкви Христа или тому подобного. Или еще хуже, «Аум синрикё» какое-нибудь.

Марина какое-то время молчала. Наверное, ее поразило, как я со своей чуткой интуицией смогла такое предположить.

– Наверное, я сама виновата, – протянула она наконец. – Позволила тебе услышать мои мысли, но не те, что нужно, вот и напугала тебя.

– Пожалуйста, расскажи мне про ваше место, – попросила я.

– Хорошо. – Марина с удовлетворением кивнула. – У нас есть особое место. Мы не делаем из него святилище или храм. Ты плетешь кнотен, чтобы создать себе помощника. А это место должно помогать, когда нет выхода: оно само по себе как оберег. Оно возвращает силы, когда тебе тяжело, когда ты выдохлась. А такое часто происходит, если ты кого-то лечишь или предсказываешь.

У нас есть Дом за городом, на несколько комнат. Сейчас мы выкладываем стены в них мозаикой. Эти действия сродни работе с кнотеном. Так же, как и при плетении узлов, мы вкладываем смысл в каждый камешек, который добавляем в мозаичный узор. Процесс, конечно, долгий. Ведь не всегда достаточно сил, чтобы наполнить ими камень. А представляешь, сколько их требуется, чтобы выложить целую комнату?

– И вы только камешками выкладываете?

– Пока да, надо доделать хотя бы одну комнату. Тогда там нам будет хорошо. Ведь там будет концентрироваться наша общая сила.

– А эти камни сами по себе что-то значат?

– Конечно, ты правильно мыслишь. Для создания мозаики мы берем те камни, которые что-то несут в себе, но не обязательно для нашего круга – для любого человека. Гальку да кирпич, просто подобранные на улице, мы не кладем.

– А если это кусок кирпича от родного дома?

– Тогда да, – Марина задумчиво покивала. – Если что-то несет смысл для тебя и может стать источником силы, тогда можно.

– А почему камни? А дерево разве нельзя? Мне так нравится все из дерева!

– Можно, конечно. Мы просто до этого еще не добрались. Пока надо создать хотя бы одну комнату. И как-то так уж получилось, что начали мы с каменной.

Мне представилась холодная комната со стенами, выложенными каменной мозаикой, и я поежилась. От Марины не ускользнуло это движение, и она чуть заметно улыбнулась.

– Она не холодная. – Ее глаза лучились. – Ты бы знала, какое исходит тепло от тех камней! И какая сила...

Я поразились, как же легко все-таки она меня читает.

– А ты бы хотела заняться деревянной комнатой? – спросила Марина. Я задумалась. Я почему-то никак не могла вообразить, чем можно выкладывать деревянную комнату. Перед глазами стоял только мой кнотен. Если все отделать вот такими небольшими планочками...

Я пожала плечами.

– А стеклянная комната у вас будет?

– У нас, – поправила моя наставница.

– У нас! – согласно кивнула я.

– Я думаю, это замечательная идея. Это будет очень красивая комната.

Мы сидели у Марины на кухне. Пока все наши встречи проходили именно там, за чаем и сладостями. В ее комнатах я еще не бывала. Она не приглашала, а я не просилась посмотреть

квартиру. Я словно чувствовала интуитивно, что там не просто комнаты, и ждала, когда меня позовут.

После ее похвалы про мою идею со стеклянной комнатой перед моим внутренним взором возникла стена, искрящаяся и переливающаяся нежным светом. К ней хотелось прикоснуться. Вся она была выложена разными стеклами, которые ловили любой лучик света и возвращали его в виде бликов и солнечных зайчиков. Казалось, что мозаика состоит из драгоценных камней.

– О чем задумалась? – вернула меня в наш мир Марина. Я встряхнулась.

– Я представила стеклянную комнату. Она действительно будет прекрасна.

Марина смотрела на меня мудрым взглядом старой учительницы, хотя ее живые черные глаза сверкали молодостью. Странное сочетание.

Глава 4. Ленкина грустная история

Вернувшись домой, я с наслаждением скинула с ног туфли на каблуках и босиком пошлепала в кухню. Ненавижу каблуки. Я понимаю, что это красиво, но до чего же неудобно. Мне так сложно поверить подругам, которые уверяют, что на плоской подошве чувствуют себя неуверенно и, чтобы чувствовать себя хорошо, им необходимы туфли на шпильках. Как можно на шпильках себя чувствовать хорошо? Конечно, красота требует жертв. Но я не в силах принести такую жертву. Шпилек в моем гардеробе не имеется, а просто высокие каблуки есть, и иногда хочется покрасоваться в изящной лодочке с подъемом, но после таких выходов я себя ругаю почему зря.

«Нет, все, убираю эти туфли в дальний угол на черный день», – решила я. Чернота того дня виделась мне уже сейчас. Не знаю, чем будет день плох, но вышагивание на каблуках его точно сделает еще хуже. Говорят, это дело привычки. Но зачем целенаправленно себя приучать к такому неудобству? Чтобы нравиться мужчинам? Так, если мне некомфортно, я ни о каких мужчинах даже думать не смогу. В общем, я для себя выбор сделала. Больше никаких каблуков.

В кухне я посмотрела на городском телефоне, кто звонил в мое отсутствие. Определитель номера пестрел сплошными ежеминутными Ленкиными звонками. Вот нетерпеливая, чего ей от меня надо? А мобильный я с собой просто так таскаю? Я набрала номер подруги. В последнее время слышала я ее не часто.

После первого же гудка трубку незамедлительно сняли, и в ней раздались безутешные всхлипывания.

– Косова, это ты? – Я поняла, что подруга ждала моего звонка.

– Я, – раздался еле слышный дрожащий голосок. – Я тебе звонила, звонила...

– Что случилось? – Ленка жизнерадостный человек, и меня встревожило ее настроение.

Видно, произошло что-то серьезное.

Итак, что же случилось.

У Лены был молодой человек, Слава. Встречались они относительно давно – ну, это по моим меркам – года, наверное, полтора, а может, все два. Жить стали вместе несколько месяцев назад. Изначально была у них идиллия, отношения – трепетнее не бывает, просто идеальная пара, с которой можно писать любовные романы с хорошим концом. А потом пошло-поехало, появилось раздражение, причем с его стороны больше, чем с ее. И ведь не то, чтобы он ее разлюбил, просто стал самим собой, стал высказывать то, о чем раньше находил сил промолчать. И ей, разумеется, не все в нем нравилось, но она очень старалась вести себя как «мудрая женщина», прощать, мириться со всем, не пилить (о, это было просто законом!), терпеть недостатки. А Слава не был «мудрым мужчиной» и вел себя так, как вел, как умел, как мог. И если что-то его коробило, говорил прямо. Но это с каждым разом происходило все чаще, и Ленке, которая просто стала другим человеком, полюбив его, становилось все тяжелее. Ведь на самом деле она не стала другой, просто смогла усмирить свои желания, противоречащие его потребностям. Смогла перестроиться на его ритм жизни. Смогла ограничить контакты с друзьями до того уровня, что общалась теперь только с теми людьми, которые ему понравились. Для нее стало незбылемым такое понятие как верность. Она практически никуда не ходила без него. Но Слава ценил это только поначалу, а затем стало воспринимать, как должное, и откуда-то сразу появилась куча претензий, что все она делает не так. Не так, как что? Не так, как он для себя когда-то определил. Она пыталась поговорить с ним, объяснить, что мелочи лучше не теребить, на них можно смотреть сквозь пальцы, как делает это она. Все разговоры оказывались ее монологом, обращенным в никуда. Он смотрел в сторону и молчал, и нельзя было понять, согласен он с ней или нет.

Ленка постепенно начала жаловаться мне, но и то не сразу. Долгое время она пыталась один на один с этим находиться, опасаясь высказывать наболевшее, чтобы оно не обрело материальную силу. Она тешила себя иллюзией, что, если никто не знает о ее проблемах, то, стало быть, их не существует. Затем она начала делиться со мной более откровенно. Часто она просыпалась ночью часов в пять и подолгу не могла заснуть, потому что пыталась мысленно разговаривать с любимым и выяснять отношения. Она готовилась к настоящему разговору, но при свете дня не находила смелости. Я не знала, что ей посоветовать. Я видела, что они оба друг друга все еще любят. Его, по всей видимости, устраивали их отношения. Слава был человек импульсивный, вспыльчивый, нервный. Ему нужны были подобные разрядки. Но она эти встряски терпеть устала. Ленка слышала недовольство по поводу самых пустячных своих промахов, которые и за промахи она не считала. Впрочем, я тоже считаю, что промахов не было. В свою очередь, он ошибался и промахивался столько же, если не в два раза больше, но у Лены хватало терпения как бы не замечать их. Она все пыталась быть «мудрой женщиной».

Но любому терпению приходит конец. И даже самая сильная любовь к другому человеку часто не может превзойти любовь к себе самому. И это правильно. Лена любила себя. Она хотела быть счастливой, но была несчастна. Она не знала, какую реакцию можно ожидать на тот или иной поступок. Сделав что-то приятное ему, она тут же могла услышать претензию по совершенно другому поводу. Лена теряла силы. Она теряла себя.

* * *

И все же они решили попробовать жить вместе. Мы с Косовой возлагали на этот проект большие надежды. Может быть, совместный быт – это то, что им нужно. Они просто встречались больше года, но вдруг они станут жить вместе, и что-то изменится? Иногда быт убивает любовь, но если здесь любовь не находит поддержки, может быть, именно быт ей поможет?

Ленка старалась вовсю. Сроду не готовившая дома, она с усердием принялась постигать секреты кулинарного мастерства, и, надо заметить, ей неплохо это удавалось. Она нашла в этом удовольствие и стала готовить очень вкусно. Славка принимал это как должное. Она держала весь дом, готовила, стирала, гладила, продолжая работать по девять часов в день и получая зарплату даже немного больше, чем он. Ее любимый считал, что придя домой, имеет право лечь на диван и ничего больше не делать. Ну, разве только Ленку критиковать. Грязный нож? Ах, это обычное явление. Нестиранные носки? Опять поленилась!

Как я радовалась, слушая подругу, что я одинокая и свободная, и никто не сможет мне высказывать подобное. Я уже забыла, что может быть другое состояние. Довольно давно у меня тоже были серьезные отношения, продлившиеся чуть более года. Но это осталось в таком далеком прошлом... Сейчас статус одинокой и свободной женщины закрепился за мной столь прочно, что я даже с трудом могла представить, что так было не всегда. Я не переживала из-за этого. Конечно, мне хотелось иногда тепла и близости, но стоило подумать о том, во что в итоге все может перерасти... Нет, лучше быть одной: самодостаточной и независимой.

Наконец Ленка тоже решила провозгласить свою независимость, и у нее это получилось. Она долго шла к этому, долго зрела. Наконец собрала волю в кулак и ушла. Я об этом не знала до сегодняшнего ее рассказа. Да и не созванивались мы уже несколько дней.

Она не так давно поселилась у своего любимого, и молодые не успели обзавестись совместным хозяйством. Все, что было там из ее вещей – одежда да косметика. В один из дней, пока друга не было, Ленка в припадке решимости собрала все свои шмотки да краску, запихнула их в сумку и ушла. Ушла, можно даже сказать, красиво. Еще и стихотворение собственного сочинения ему оставила. Эффектное. Назвала его «Прощаюсь».

Пришла пора расставить все точки над «и»...

«И краткой».

Была столь высокой наша башня любви,

Но шаткой.

И на нашем месте будет сидеть другой,

Другая...

Я не смогу пройти всю жизнь рядом с тобой,

Я знаю.

Я гибкая, но дальше уже не согнусь –

Сломаюсь.

Что бы ни было, обратно я не вернусь.

Прощаюсь.

Приколола на подушку тетрадный листок с этим текстом и гордо вышла за дверь. Она вернулась к родителям и звонила мне уже от них. Когда я увидела номер на определителе, то не придавала этому значения, ведь она часто ездила к родителям и связывалась со мной оттуда. Из квартиры любимого звонить старалась как можно реже: возможно, я была из тех, кто ему не нравился.

Мне иногда кажется, она воображала, как Слава, увидев пустую квартиру и записку-стих, осознает наконец, чего лишился, схватится за голову, застонет от горя и завоет песню Чижа «Перекресток».

«Ты ушла рано утром, чуть позже шести...»

Вышло иначе.

Итак, она ушла. Первые два-три дня Лена сходила с ума от навалившейся на нее свободы. Она была сама себе королева.

Эта королева в первую же ночь напилась со старой своей подругой в каком-то баре до невменяемости, гуляла всю ночь напролет. Проснувшись аж к вечеру, отправилась гулять дальше. Вот два-три дня и прошли в таком режиме. Затем Елена начала приходить в себя. К любимому тянуло, но от того, что она теперь принадлежит исключительно сама себе и никто ей не скажет слова против, моя подруга пока еще получала удовольствие. Затем наступило похмелье после опьянения так называемой свободой. Ленка засела за листание «семейных» фотоальбомов, призывая таким образом закономерное уныние. Пыталась писать грустные стихи.

И тут позвонил Слава и сказал, что она поступила правильно.

Ее любимый сказал, что она приняла верное решение, и обоим от этого будет только лучше. И, судя по его уверенному голосу и вовсе не унылому тону, он не кривил душой. Лена поняла, что он испытал облегчение от того, что она ушла сама, и никаких тоскливых песен Чижа не будет. И главное, он ни за что не позовет ее обратно.

Она бы и так не вернулась, я думаю. Просто с удовлетворением бы отметила, что все сделала, как надо, а он мучается, что потерял такое сокровище. Самолюбие не было бы задето, грусть о проведенных вместе днях медленно, но рассеялась бы.

Слава все перевернул с ног на голову своим звонком. Он дал ей понять, что не жалеет о потере. Он дал ей повод думать, что, если бы Лена так не поступила, он бы сам оставил ее. Тут-то Леночку и накрыло. И ей вдруг стало нестерпимо горько от того, что они расстались.

Вот по этому поводу я и выслушала десятиминутную тираду желчных слов и плаксивых обвинений в адрес бывшего Лениного бойфренда. Потом мы договорились встретиться на следующий день сразу же после работы и распрощались.

Да, жалко, что я прохожу не курс подготовки молодых психологов. Мне бы это пригодилось. Ленку придется поддерживать в ее горе еще долго.

Глава 5. Поездка в Дом

Все оставшееся до следующих выходных время я провела в томительном ожидании. Марина решила, что нечего тянуть, раз уж я об их пристанище знаю, и пообещала в субботу взять меня в Дом. Я практически ни о чем больше не могла думать и жила предвкушением того, что увижу волшебное здание. Все пыталась занять себя плетением кнотена, но мысли вертелись вокруг предстоящей поездки, и кнотен не плелся. Вернее, навязать-то можно было что угодно, но тогда бы получилось бесформенное скопление обычных, ничего не значащих узлов.

На следующий день после разговора с Леной, мы с ней встретились в нашем любимом баре на станции «Кузнецкий Мост». Хотя сказать о нем «любимый» скорее всего неправильно, вернее будет «привычный». Еще на первом курсе института, гуляя по центру и прячась от осенней непогоды, мы с однокурсницей забежали в ближайшую кафешку. Она не поражала ни уютом, ни разнообразным меню, ни демократичными ценами. Там чересчур громко играла музыка. Мы просто переждали там дождь, выпив по чашке капучино. Это было единственное, что там меня поразило. Больше нигде и никогда я не пробовала такой вкусный кофе. Этим мне кафе и запомнилось. И когда хотелось куда-нибудь пойти, но не приходило ничего в голову, я всегда звала друзей в это местечко.

С Ленкой мы просидели там часа полтора. Все это время она цедила через трубку рекомендованный мной капучино, бездумно блуждала глазами по стенам и, собрав все усилия воедино, сдерживала слезы.

– Поплачь, Лен. Зачем ты крепишься, во имя чего? Легче станет, – безнадежно советовала я, уже уразумев, что она меня не слушает. Сегодня она уже не жаловалась мне на бывшего. Она просто предавалась грусти-тоске. Я даже не понимала, зачем я ей сегодня была нужна. Как жилетку она меня не использовала, как советчика тоже. И поддержки никакой не хотела.

* * *

Наконец настал долгожданный день. Я всю ночь ворочалась, боясь проспать, проваливалась в неглубокий сон, потом опять просыпалась и по полчаса лежала, уставившись в потолок. Я и сама не могла бы объяснить, почему меня так волновала предстоящая поездка в Дом. Я ведь ехала просто посмотреть его. Наверное, для меня все, что мы делали, и все, что нас связывало, на самом деле очень много значило.

Мы решили выехать пораньше. Дорога предстояла долгая, а очень хотелось зацепить еще сегодняшний день. Сначала надо было добраться до Павелецкого вокзала, затем еще полтора часа томиться в электричке, потом минут сорок на автобусе и еще какое-то время пешком. В общей сложности, не так долго, только время прибытия электричек не совпадало с расписанием автобусов. Приходилось еще тратить время на ожидание.

Я с сумкой наперевес выскочила из подъезда около восьми утра и бодрым шагом направилась к метро. С Мариной мы договорились встретиться уже на Павелецком у пригородных касс. Она приехала минут на десять раньше и уже обзавелась билетами туда-обратно для нас обеих. Ехать надо было до станции Михнево. Мы купили в дорогу бутылку зеленого чая и несколько слоев с сыром. Подкрепиться дома с утра у меня не получилось: при раннем подъеме аппетита никогда не было. Ближайшая электричка отправлялась через пятнадцать минут. Мы не торопясь отправились на посадку.

Народу было не много, несмотря на субботний день. Может быть, потому что наш поезд следовал до какого-то дальнего Узуново и очень много остановок пропускал. В Михнево же все электрички обязательно останавливаются, поэтому нам подходил любой маршрут.

Марина в пути дремала, я читала одну из ее учебных книжек «Чужие мысли» Ласта. В «Белых облаках» такую книгу купить невозможно. Подобная литература доступна только в самых узких кругах и в продажу не поступает. Такими книгами обмениваются, их дарят, выдают при обучении. Когда отдаешь такого рода книгу, необходимо быть полностью уверенным в читателе. Мне Марина доверяла, и теперь я пыталась постичь таинственное мастерство. Вообще, если никакой предрасположенности к этому нет, то можно сразу захлопнуть эту книжку и забыть о ее существовании. У меня все-таки что-то в этой сфере оказалось, и сейчас я, слепо уставившись в печатные строчки, изо всех сил пыталась вычислить, о чем думает сидящая рядом со мной женщина средних лет. Излишне сосредоточившись, я вдруг начинала «слышать» мысли – целые фразы про то, как она сейчас приедет в деревню, пойдет в лес за ягодами, а потом купаться. Мысли были такими четкими, что это заставило меня усомниться в их подлинности. В книге написано, что чужие мысли в моей голове должны как-то сразу себя идентифицировать как чужаков. Я сразу пойму, что это не я думаю, а кто-то еще. Такого я не ощутила, стало быть, просто придумала себе все теткинны мысли.

Вдруг я заметила, как Марина через щелочки век наблюдает за мной и слегка улыбается. Когда она мне давала эту книгу, то сказала, что полностью и с легкостью читать мысли у меня не получится никогда. Нужно родиться с этим, а затем развивать. А у меня ведь к другим вещам предрасположенность. И если кто-то не захочет, чтобы я вмешивалась в то, что он там себе думает, он легко защитит себя от моего вторжения. Пусть это даже будет обычный человек. У него просто на подсознании сработает самозащита, о которой он даже не подозревает.

Марина слегка кивнула мне, это означало руководство к действию. Я снова напряглась. «Завтра... сколько готовки... свадьба... наконец-то дочка...» – словно зазвенели слова в голове. Они сопровождались гулом, шипением, словно я слушала старую затертую магнитофонную запись. Больше не получалось. Но и так мне было понятно, что у этой женщины завтра большое событие – свадьба дочери. Причем мне показалось, что этой свадьбы женщина ждет давно. А может, и не именно этой, а просто наконец она дочь замуж выдает, может, та засиделась в девках, по теткинскому мнению. Да впрочем, и не важно совсем. Главное, что получилось все-таки.

Я захлопнула книгу и, перебравшись на место рядом с Мариной, шепотом передала ей то, что услышала. Подруга молча улыбнулась и пожала плечами. Даже не в моей сфере деятельности я была кое на что способна. С одной стороны, это было очень хорошо, так как означало, что у меня необычайные способности. С другой стороны, не стоило размениваться по пустякам. Если что-то не дано, не стоит вымучивать это из себя. Можно растратить свои силы, не использовав их в главном для себя направлении.

– Наша через одну, – вдруг сказала Марина, и я прильнула к окну. Время пролетело незаметно благодаря моим попыткам прочесть чужие мысли. За окном мелькали деревенские домики. Изредка между ними попадались здоровенные богатые домищи, но слишком мало. Мы ехали не мимо дачных поселков, а мимо обычных подмосковных деревень. Большущие коттеджи смотрелись нелепо среди стареньких деревянных строений. Хотя хозяин барин. Есть участок, почему бы не построить просторный удобный дом...

Впереди по ходу движения замаячило желтое узкое здание цилиндрической формы.

– Вот и Михнево. Это круглое здание – водонапорная башня, – сообщила Марина.

– Никогда не видела водонапорных башен, – призналась я.

Через пять минут мы брели к автобусной остановке, которая располагалась как раз около башни.

– Пойдем, посмотрим расписание автобусов, – махнула вперед рукой Марина. – Все забываю сфотографировать его.

– А в сети?

– Да что-то не нашла.

Мы подошли ко входу на Михневский рынок, рядом на каком-то ларьке висело расписание автобусов. Перед моими глазами возникли списки незнакомых названий: Хатунь, Семеновское, Чирково...

– Нам надо в Мышенское, – сказала Марина, бегая глазами по списку, и уныло добавила, ткнув в него пальцем: – Вот ближайший автобус. Через пятьдесят минут. Придется тут погулять.

– А Мышенское это что?

– Село. Малюсенькое совсем. Там наш домик. Вообще, места красивые, сама сейчас увидишь.

Лицо Марины приобрело мечтательное выражение. Я подумала, что ее тянет туда не только Дом, а просто сама окружающая природа. Я так давно никуда не выбиралась, что мне передалось сильное желание оказаться в лесной глуши, среди деревьев и пения птиц.

– Можно зайти на рынок, – тем временем произнесла Марина. – В Мышенском есть магазинчик, но можно купить что-нибудь и здесь.

– Как насчет шашлыков? – предложила я.

Подруга, которая в этот момент двигалась мимо овощных рядов, остановилась.

– Слушай, а почему бы и нет? – вдруг обрадовано сказала она. – Как-то у нас руки не доходили ни разу до этого. Я только за! Пошли.

Она поволокла меня к мясному отделу. Наверное, она бывала здесь часто: казалось, что рынок знает как свои пять пальцев.

На прилавке, над которым вились бодрые мухи, рдели большие куски свежего мяса. Толстая продавщица, подперев рукой щеку, лениво глядела на нас.

– Ты вообще как с шашлыками? На ты или на вы? – весело спросила Марина.

– В плане шашлыков я теоретик, – смутилась я. – Видела, как делают, неоднократно, но сама ни разу не дотрагивалась.

– Ну, ничего. Разберемся. Я тоже теоретик. Сегодня займемся практикой. И как новички лучше возьмем свинину: она мягче. Дайте-ка нам вот этот замечательный кусочек, – обратилась Марина к продавщице.

Та не торопясь подняла увесистый кусок мяса с жирненькими прослойками и шлепнула его на весы.

– Кило восемьсот.

– Пойдет.

– Кстати, девочки, если вам на шашлыки, у нас есть уже готовые. – Тетка указала рукой на лоток, где лежали сырые мясные обрезки вперемешку с луком и лимонными корками. – Цена такая же.

Мы с Мариной переглянулись.

– В принципе, если не хотим морочиться, можно взять и готовые, – протянула Марина.

Мне так не понравились обрезки, представшие перед нашими взорами, что я решила все-таки заморочиться.

– Давай лучше мясо возьмем. Я видела, как в кефире делали. А тут еще неизвестно что за маринад, – возразила я.

– Не вопрос! – подытожила Марина. – Давайте лучше мяска.

Мы расплатились, затем взяли лука, помидоров и какую-то специальную приправу для шашлыков в бумажном пакетике.

– В доме какие-то приправы тоже есть. Там вообще есть запасы еды, типа макарон, риса и тому подобного. Ведь кто-то постоянно находится там. Летом, по крайней мере. Просто мы все по очереди ездим.

– А мангал есть?

– А я и не знаю! – засмеялась подруга. – Но если нет, придумаем что-нибудь. Сегодня будут еще девушки, может, они не такие неумехи, как мы. Подскажут, помогут. А откуда ты про кефир знаешь?

– Ну, как-то угощали. Очень даже вкусно было. Я знаю, что вместо уксуса надо кефиром залить. И постоять дать.

– Так пошли кефир купим!

Как-то незаметно подошло время отправления нашего автобуса. Мы уселись, купили билеты у кондукторши и уставились в окно.

– Михнево – это город? – спросила я.

– Я даже не знаю, как его назвать. Но место, где мы сейчас были – это его центральная площадь. – Марина откинулась на спинку сиденья. – Что-то у меня шашлыки затмили все остальные планы.

– У меня тоже, – честно призналась я. – Как будто просто на дачу едем.

– В этом нет ничего плохого, – успокоила Марина. – Мне кажется, даже наоборот. Сейчас замаринуем мясо, походим по Дому, погуляем по окрестностям, а вечером за шашлычком обсудим все, что нам нужно.

Наконец автобус до отказа заполнился пассажирами и отправился в путь.

– Я имею право выложить что-нибудь в стене Дома? – спросила я.

– Конечно. Ты это с собой везешь?

– Да. – Я полезла в сумку и вытащила пакет с камешками. – Здесь то, что когда-то я собирала на память. Морские камни, полудрагоценные, что дарили на счастье... Я все равно не ношу эти брелоки, а в стену хочу вложить.

– Очень мудро, – закивала Марина. – Главное, чтобы они хоть что-то для тебя значили. Как настоящее или прошлое, не важно. Ты молодец, я давно это знаю.

Наш автобус сначала петлял, затем долго ехал по прямой и вдруг резко повернул налево.

– Почти дома, – сказала Марина, осматриваясь.

Через некоторое время, автобус поехал вниз направо и, сделав крутой вираж, высадил нас на остановке. Я огляделась. В пяти шагах от остановки находился магазинчик. Все остальные строения были внизу, нам еще надо было спуститься. Вдалеке маячила угрюмая церковь с деревянными куполами.

– Про это место много нехорошего рассказывают, – кивнула Марина в сторону церкви. – Она заброшенная, и поговаривают, что проклятая. А последним священником там был цыган, который под конец занимался отнюдь не религиозными делами.

– И что? – Я вся превратилась в слух.

– А я не знаю, что, – улыбнулась Марина. – Слухи ведь только. Я там не была, мне не по себе как-то. Может, как-нибудь рискну. Но сейчас не готова. Но мы не зря здесь поселились. Наш Дом – как противовес этому черному зданию. Пойдем.

Мы стали спускаться с крутого холмика по узкой вытоптанной тропинке.

– Тут недалеко совсем, Мышенское маленькое.

И действительно, минут через семь мы уже подходили к Дому. Это было одноэтажное здание, выложенное из цельных бревен. Вход начинался с открытой веранды, оплетенной диким виноградом. На нее вели три ступеньки. За массивной входной дверью была прихожая. Из нее можно было попасть на кухню, в чулан и непосредственно в Дом. Кухня и чулан назывались улицей, потому что не отапливались. А в самом доме были трубы, вода в которых нагревалась с помощью АГВ – газового нагревателя.

– А зимой сюда приезжают? – поинтересовалась я, озираясь по сторонам, пока Марина отпирала дверь.

– Да. Приходится приезжать часто, потому что мы не выключаем газ. Он нагревает воду в трубах. Если его выключить, трубы с водой замерзнут и полопаются. Поэтому мы по оче-

реди приезжаем и следим, чтобы все было в порядке. А иногда соседи заходят проверить. Все собираемся залить в трубы незамерзающую жидкость, но как-то руки не доходят. Готовить, конечно, на улице невозможно, но у нас есть электрическая плитка портативная. А вода круглый год тут рядом с домом – из источника.

– С ведрами бегаете?

– А что поделать? Сейчас вода есть на кухне, по шлангу поступает от соседей, а на зиму они ее нам перекрывают.

– А откуда у вас вообще дом? Ведь, как я поняла, он общий, никому конкретно не принадлежит?

– Да, он наш, – Марина довольно улыбнулась. – Записан на Ладу, но это не важно. Он наш.

– А кто такая Лада?

– Познакомишься еще. Все впереди. Пойдем, лучше, я покажу тебе, что мы уже сделали.

Каменную мозаику я рассматривала бесконечно долго. Ею была выложена первая комната в Доме. Их было три и все смежные. Первая – длинная и узкая, в ней размещались стол, кровать и два комода; оттуда сразу вела дверь во вторую комнату – широкую и, наверное, самую большую. Там стоял круглый стол, два шкафа – книжный и буфет, тумба и две больших кровати. И из обеих комнат были проходы в малюсенькую комнатку, где умещались лишь шкаф да кровать, но мне показалась она самой уютной.

– Где-то жалко заделывать дерево сплошной мозаикой, – рассказывала тем временем Марина. – Но с другой стороны, бревна видно снаружи. А в Доме главное – энергетика.

Я все смотрела на камни, прочно сидевшие в стене. Проводила по ним рукой. Когда я вела ладонью по мозаике, во мне вставали тысячи разных ощущений и мыслей. В первый раз я даже отпрянула от неожиданности. Слово множество голосов заговорило в голове одновременно. Затем я стала поочередно дотрагиваться до каждого камня, и каждый что-то сообщал мне. Маленький кусок малахита стонал болью и памятью об умершем дедушке. Камень, возможно, драгоценный, но для меня выглядевший, как граненое стекло, шептал о безнадежной любви. Он был отдарен: подаривший его человек хотел, чтобы о нем забыли. Капля бирюзы была вставлена в панно для усиления дома. В нее вложили силу. Она была подарком матери.

От большого количества информации заболела голова, и я отошла от стены. Марина все это время наблюдала за мной. Думаю, она поняла, что камни мне что-то рассказывают.

– Нина, ты поразительная женщина. Ты моя находка и моя гордость, – прошептала Марина, незаметно подойдя сзади. – Столько у тебя возможностей, сил и способностей. С тобой говорят даже холодные камни.

– Разве они холодные? – удивилась я. – Они же смысловые!

– Но они же камни. Не всем под силу прочесть их послания. Мало кто, проведя рукой по этой стене, отшатнется неожиданно от сонма каменных голосов. А тебе и это дано. Как же случилось, что ты когда-то пришла к моему дому? И я всегда благодарю высшие силы, что ты согласилась выслушать меня. И не просто выслушать, а пошла за мной. Я знаю, что ты сильнее меня. – Марина замолчала, задумавшись. – Я выполнила свой долг, свое предназначение, и даже лучше, чем было надо. Ты потом узнаешь, что это значит для меня. Ведь тебе тоже надо будет найти ученицу.

– А когда? – замирая, спросила я.

– Не скоро. Я буду вести тебя еще очень долго. И я благодарна тебе, что ты пошла за мной. Она прислонилась рукой к мозаике.

– У меня нет этого слуха. Я долго буду воспринимать информацию от каждого камня. Это и не нужно. Главное, что Дом сделан из столькоких говорящих частиц. Но я просто поражаюсь тебе. Ведь ты даже можешь открыть смысл всех посланий, заложенных здесь... Пойдем, нас ждут еще и веселые дела. Ты не забыла про шашлык?

Я тряхнула головой, словно отгоняя наваждение. Я настолько погрузилась в мистическую атмосферу, что совсем забыла даже для чего мы сюда приехали, не говоря уже о том, что планировали на вечер.

Мы подхватили пакеты с продуктами и отправились на кухню. Скоро должны были приехать другие женщины, мы же решили не терять времени даром. Парное мясо резалось хорошо, и Марина быстро подготовила крупные куски и свалила их в миску. Затем она нарезала лук колечками, а я пошарила на кухне и нашла большую кастрюлю. Плеснув на дно жирного кефира, я положила туда несколько луковых колец и слой мяса. Посолив и поперчив это дело, я снова подлила кефира, и опять уложила лук и свинину. Получилось несколько слоев, и я, немного поразмыслив, накрыла мясо тарелкой и придавила тяжелым точильным камнем, который лежал на полке в кухне и так и просился побыть прессом. Пусть я делаю это впервые, это не может не получиться вкусным.

– Где мы возьмем дрова? – спросила я у Марины, которая внимательно наблюдала за моими движениями.

– Сейчас гляну в сарае, – сказала она. – Раньше когда-то здесь была печка, и дрова специально заготавливали. Может, прежний хозяин не все раздал.

В сарай можно было войти из кухни и со двора. Марина исчезла за низенькой дверью, и скоро я услышала ее радостные возгласы. По всей видимости, дров было предостаточно.

– Спасибо, дядь Коля! – прокричала Марина в пустоту. Дядя Коля – так звали бывшего хозяина, про которого кроме имени нам было ничего не известно. – За домовитость и за жадность!

Как мне потом Марина сказала, это дядя Коля провел трубы и установил нагреватель, и дрова, запасенные в большом количестве, ему больше не требовались. Но он не раздал их соседям, у которых еще остались печки. Так и не смог расстаться с накопленным, и теперь это нам очень помогло.

Удовлетворенные, что все идет по плану, мы выбрались на территорию участка. Скоро должны были прибыть другие участницы сегодняшних посиделок. Мне предстояло познакомиться еще с несколькими ведьмами. До сегодняшнего дня я знала только одну из них, Марину.

Собиралась приехать Лада, ведьма, которая занималась, в основном, зельями и настоями. Затем какая-то старая знакомая Марины, она была медиумом. И еще обещалась быть Гульнара, про нее Марина сказала, что она вроде как гадалка, но только наоборот. Прозвучало это очень странно, и я стала приставать к подруге с расспросами. Марина, которая пыталась в это время колоть дяди Колины дрова, сначала что-то ворчала, а потом сдалась и объяснила, что Гуля гадает не на будущее, а на прошлое. Она не предсказывает, а видит, как могли бы развиваться события, если бы человек сделал иной выбор.

– И кто-то к ней приходит, чтобы это узнать? – удивилась я.

– Да, конечно. И довольно часто, – пожала плечами Марина, примеряясь увесистым топориком к очередному полену. Затем она замахнулась, резко опустила руки и ловко раскокала бревно напополам. Я наблюдала за этим процессом с большим уважением. А вот смысл гадания наоборот до меня не доходил.

– А зачем это кому-то нужно? Все равно уже ничего не изменишь! – не унималась я.

– Ну как же? – вздохнула Марина. – Человек когда-то принял решение, потянулась череда событий, к чему-то привела его в жизни. Может быть, он не полностью удовлетворен своей жизнью, или есть у него какие-то сомнения. И хочет он удостовериться, что поступил правильно когда-то. Что если бы он тогда не сделал чего-то, сейчас было бы еще хуже.

– Так это только к тому сводится? – поразилась я.

– Ну да.

Марина прекратила махать топором, решив сделать передышку. Она вытерла тыльной стороной руки лоб и с улыбкой уставилась на меня. Я взяла у нее из рук топорик, тоже решив

немножко поработать. Правда, мне никогда не приходилось этого делать раньше, но я надеялась, что смогу повторить движения Марины.

– Но если этот человек вдруг узнает, что он сделал неправильный выбор?! – с этими словами я с размаху опасно саданула топором по самому краю бревна, после чего подруга отобрала у меня орудие труда. Я не возражала. – Если он поймет, что все могло быть намного лучше? Как с этим жить-то потом? Неужели никто этого не боится?

– Да, это риск. Но ничуть не больший, чем в случае гадания на будущее. Ведь, если ты узнаешь что-то ужасное, что уже не сможешь предотвратить... С этим жить будет еще сложнее. И, тем не менее, люди хотят, чтобы им погадали. Желают знать, что будет.

Я согласно кивнула. А она, в общем-то, права. Уж если будущее знать не боятся, то прошлое тем более. Хотя... перед будущим можно подготовиться. А тут сожалеть всю жизнь, что когда-то сделал глупость, которая тебе все испортила. Нет, я бы не хотела. Но все разные.

– Интересно, а свое прошлое Гульнара так смотрела? – вдруг спросила я. – Ты не знаешь?

– Нет, не смотрела. А я знаю, потому что она как-то про это упоминала. Ей нельзя на себе это делать, то ли способность пропадет, то ли еще что хуже. Это у них семейный дар, передается из поколения в поколение по женской линии. Редкий дар. И никто не должен знать про свой собственный выбор. И семью женщины этого рода никогда не заводят. Все потомство только по мужской линии идет.

– Марин, я запуталась. Как тогда потомство получается? – уже со смехом спросила я, когда мы вдвоем стали перетаскивать нарубленные полешки к кострищу.

– Ну, ты, мать, что-то совсем расслабилась! – засмеялась Марина. – Я тебя не узнаю. Как потомство получается? Если девочка родилась, то она гадает на прошлое, и детей у нее не будет. А если мальчик, то он вырастет, женится, и у него будут дети. Если у него родится девочка, то...

– ...она гадает на прошлое и детей не рождает. – подхватила я. – А мальчик вырастет и женится. И у него будут дети.

– Ну вот, наконец-то! – успокоилась на мой счет Марина. Мы постепенно перетаскали все дрова, шашлык замариновался, солнце потихоньку стало закатываться и небо потемнело. Скоро должны были явиться остальные.

Глава 6. Ленкина просьба

Ленка была на пределе. Я уже не знала, как можно ее поддержать. Она ревела днями, говорила только о нем.

– Зачем же ты уходила, Лена? – сетовала я.

– Я больше не могла. У меня не было сил так жить!

– Но зачем же ты хочешь к нему обратно?

– Ниночка, как ты думаешь, может на автоответчик ему новый стих записать?

Новый стих назывался «Листок». Я была первой читательницей.

*Прибитый тяжелыми каплями слез
К асфальту усталый осенний листок...
Две осени ты на руках меня нес,
Но силы иссякли, ты больше не смог.*

*Я скоро завяну, засохну, умру,
Меня не питает живительный сок,
Что ты мне дарил по ночам, поутру...
Но силы иссякли, ты больше не смог.*

– Косова! – я начинала злиться. – Мне нравится это стихотворение, но ведь ты ушла красиво и гордо. Зачем же ты хочешь теперь ползти к нему обратно?

– Почему ползти обратно? Я просто хочу, чтобы он знал, что я сейчас чувствую.

Мы сидели на тесной Ленкиной кухне. Подруга курила и нервно стряхивала после каждой затяжки пепел в керамическую пепельницу в виде босой ступни. Когда-то я ее привезла из Турции. Ленка пепельницу не мыла, и та вся была черная от пепла.

– Но ведь это же ты ушла! И должна крепиться. Ты собрала свою волю в кулак, перешагнула через себя и шагнула навстречу к свободе. А сейчас хочешь свести на нет свой мужественный поступок. Ведь не каждый человек может порвать так со своим прошлым. Для этого нужны большие силы. Ты же смогла! А другая сидела бы дома, тупела, терпела, варила ему борщи, выслушивала все его претензии и прощала, смирялась.

Я где-то в глубине души Лену понимала. Она ведь ушла, не разлюбив. Но я не могла понять того, что она готова идти на попятный. Это же надо себя не уважать!

– Нин, я люблю его, я хочу к нему. Мне плохо, я не знаю куда мне деваться. Хочу чтобы было, как прежде.

– Как прежде? – я взорвалась. – Ты понимаешь, что, если вы сойдетесь, все именно и будет, как прежде. Ты будешь страдать, страдать и еще раз страдать? Он не станет меняться, он не видит в этом смысла!

– Я все понимаю, но я не могу без него, – ныла Ленка.

В моем понимании такой уход, какой совершила Лена, должен быть окончательным. Я считаю, что надо перебороть себя, перемучаться, перестрадать, но в одиночестве. Нельзя опять начинать все сначала. Лена перестрадать была не готова.

– Косова! Ну займи себя хоть чем-нибудь. Ходи на дискотеки, знакомься по интернету, вышибай клин клином! Не нужен он тебе!

– Нин... – Лена вдруг заговорила шепотом. – Я знаю, что можно сделать. Я сама не хочу возвращаться, но я хочу, чтобы он вернулся. Я знаю только один способ...

Она загадочно замолчала. Я ждала, что она скажет.

– Ты моя близкая подруга, и я знаю, что только ты можешь мне помочь.

Я решительно не понимала, к чему она клонит. Как я могу ей помочь? У меня нет молодого человека, с друзьями которого я могла бы познакомить Нину. У меня нет никаких подходящих кадров среди знакомых. Чего же она хочет от меня?

– Ниночка, я знаю, что ты сможешь это, и не отпирайся. Я хочу приворожить его.

Это высказывание застало меня врасплох. Откуда она знает? Я, конечно, очень кратко и размыто ей говорила о том, что я умею, но...

Я задумалась. Как бы я ни переживала за любимую подругу, помочь таким способом ей не могла. И дело было не только в том, что я не имела права заниматься подобными вещами. Я сама прекрасно осознавала, чем это чревато. Лекции Марины не прошли даром, и, если раньше я могла не понимать, почему помочь безответно любящему и страдающему человеку при помощи приворота нельзя, то сейчас картина мне была ясна. Прежде я думала, что ничего плохого нет в том, чтобы приворожить свободного и никем не увлеченного человека. В результате этого бедный влюбленный в него должен перестать страдать. Свободный же человек просто найдет свою любовь. На одну счастливую и крепкую пару станет на белом свете больше. Что же тут плохого? Плохо, когда за счет этого разрушена чья-то семейная жизнь, любовь, счастье. Когда, к примеру, любовница, прибегнув к привороту, уводит у жены мужа. Так я думала.

Но пообщавшись с Мариной и выслушав все ее доводы, я поняла, что все это гораздо серьезнее. Использование магических сил – это в любом случае вмешательство в естественный ход событий. Но приворот – один из самых некорректных способов вмешательства. Я уже не говорю про порчу или сглаз.

Вот, предположим, знахарство. Человек заболел. Может быть, так и должно было случиться, но если ты в силах с этим бороться – стоит бороться. Сначала за дело берутся врачи с помощью лекарств и других своих средств. Если не помогает, больной или его близкие, отчаявшись, кидаются к нам. Откуда-то обретается вера в магическую силу, и мы становимся их последней надеждой. И мы боремся с болезнью своими способами, которые никому не вредят, разве только кроме нас. Потому что, в основном, используем мы не травки да припарки, а свою энергию. Когда я кладу руку на лоб человека, голова которого раскалывается от мигрени, то его боль утекает через мою ладонь, а потом проходит сквозь меня. Очень часто после таких сеансов валишься с ног, как после тяжелого физического труда. Но себя истязать я право имею. Такова уж моя доля. Если меня эфир наградил даром исцеления, я должна научиться его использовать. И кроме того, я не имею права зарывать свой талант в землю. Это слишком щедрый дар, чтобы не пользоваться им.

А если заболевший любовным недугом не пытается излечиться, а хочет достигнуть желаемого при помощи сверхъестественных сил, то это уже недопустимо. Никто не имеет права менять ход жизни другого человека. Это не борьба за свою любовь, это подчинение человеческой воли. Из-за такого вторжения в чью-то судьбу может поломаться не только эта, но и чужие судьбы. Судьбы людей, окружающих несчастного. А кроме того, не все будет ладно и у самого инициатора приворота.

Конечно, все это не сразу настигнет участников, вольных и невольных. Скорее всего, сначала некоторый короткий период времени они проживут счастливо, может, даже, как идеальная пара. Но затем все пойдет наперекосяк. Так уж устроено. Но многим это невдомек, а некоторым все равно – в случае, если они не являются заинтересованными лицами, ну, разве только денежно, как многочисленные колдуньи, объявлениями о услугах которых пестрит в последнее время интернет.

А уж как потом сложно все исправить! Когда инициаторы вдруг спохватываются, осознав, что покатило все по наклонной, они мечутся в поисках помощи. В принципе, легче всего снять приворот тому, кто его и ставил. Но мало кто это умеет, да и мало кому это надо. Силы уходят невероятные.

Все это в сжатой форме я попыталась донести до своей подруги. Я старалась говорить аргументировано, приводила примеры. Я очень надеялась, что Лена меня поймет и перестанет думать о таком опрометчивом поступке.

Лена сначала возражала мне, мотивируя тем, что она уже просто не хочет жить и что все с уходом любимого для нее потеряло смысл.

– Ты можешь, но не хочешь мне помочь! – заламывая руки, причитала она. – Ведь ты же можешь! Ниночка, ты для меня единственная надежда, не бросай меня в такой тяжелой ситуации, пожалуйста!

Я терпеливо объясняла, что ситуация станет еще тяжелее, если это сделать. Убеждала, что не могу этим заниматься, потому что просто не имею возможности, ведь я не этому обучена. Упрямая Ленка же была уверена, что приворот мне по силам, и никак не хотела слушать про последствия.

В итоге она ушла от меня ни с чем. Привораживать я, разумеется, отказалась. Она, как-то нехорошо нахмурившись, засобиравшись домой, суховато попрощалась и ушла. Я чувствовала, что убедить до конца мне ее не удалось.

* * *

Если вначале разговора я удивлялась, какой помощи от меня ждет Ленка, ведь мне не с кем ее даже познакомить, то после ухода подруги всерьез задумалась, что я могу для нее сделать. Обзвонить старых знакомых и приятельниц? Организовать какую-то совместную прогулку, вытащить ее на дискотеку, в бар, пусть даже мне самой это будет совсем не интересно?

Я полезла в диван, где вместо белья у меня хранились всевозможные ненужные вещи, с которыми мне почему-то до сих пор жалко расставаться. Старые школьные дневники, как напоминание о временах моего подросткового детства. Коробка из-под конфет, туго набитая бумажными куклами с обширными гардеробами собственного изготовления. Древние журналы с моими собственными фотографиями, вклеенными вместо чьих-то лиц. Помню, было очень смешно их листать. А вот нужная мне стопочка женских журналов. Когда-то читала я там про разные сборища, где можно и познакомиться, и просто весело провести время. Я, конечно, могла бы и в интернете это найти, но в одном из тех журналов этой теме была посвящена целая статья, которая мне запомнилась. Вот что могло подойти Ленке! Необходимо было заставить ее туда сходить.

Я пролистала глянцевики странички в паре верхних журналов и быстро нашла нужную. Лучше всего было выбрать место, где мне самой было бы не противно, хотя ради такого дела я готова и потерпеть. Леночке про журналы рассказывать совершенно необязательно. Мне показалось, что сначала надо просто определиться с местом и расписать его подруге как можно живописнее. Приплести, что слышана об этом, к примеру, клубе или обществе. Мол, многие друзья рекламируют и советуют сходить. Говорят: развлечешься, а может быть, и встретишь того, кто понравится. Можно даже рассказать, что там уже была и осталась довольна. В общем, представить все дело так, словно мне самой туда хочется, а не Ленке я пытаюсь таким способом помочь забыть прежнюю любовь и не забивать голову глупостями про привороты.

Конечно, в журнале была описана лишь малая толика подобных мест, надо было дополнительно порыскать в интернете. Одно из них являлось банальным клубом знакомств. Приходящие выбирали себе какое-нибудь особенное имя, им выдавали бейджик с этим именем. Затем ведущие рассаживали всех за маленькие столики на двоих, так чтобы каждый мужчина оказывался в паре с женщиной. Далее с периодичностью в десять-пятнадцать минут все мужчины передвигались за соседние столики. Таким образом за одно посещение клуба поневоле приходилось пообщаться с несколькими молодыми людьми. Заканчивалось все обычной дискотекой.

Во втором месте все так же начиналось с имени и бейджика, но рассаживались посетители сами, куда хотели, а могли и вовсе никуда не садиться, а бродить по клубу. Общение начиналось при помощи записочек. Сообщения разносили специальные служащие. Можно было выразить симпатию, задать вопрос кому угодно и попросить служащего доставить записку нужному адресату. При этом можно было общаться обычным способом со всеми.

В сети я нашла еще несколько похожих клубов. На самом деле мне показалось это не очень заманчивым, причем, судя по предоставляемым услугам, это должно было влететь посетителю в копеечку.

Мне больше импонировали местечки, где собравшиеся участвовали в коллективных играх, например, в квизах, а еще лучше в таких, как «Крокодил» или «Ассоциации», где надо было изобразить заданное противником слово так, чтобы тебя поняла твоя команда. Идея такого рода сборищ была, скорее, развлекательная, чем с целью знакомства, но, на мой взгляд, это было даже лучше. Оказавшись в дружной команде с остроумными молодыми людьми, можно создать отношения более прочные, чем при помощи глупых записочек и десятиминутного общения с тем, кому пришлось сесть к тебе за стол, потому что подошла его очередь.

Выбирая таким образом способ спасения своей лучшей подруги, я не заметила, как сама загорелась желанием сходить развлечься. Простудировав еще несколько вариантов, я выбрала пару-тройку мест и записала координаты. Одним из них как раз оказался описанный в журнале «Клуб Добрый Друзей», где играли в «Крокодила». Ленке сейчас звонить по этому поводу не стоило, она сразу поймет, для чего я туда ее зову. Стоило переждать недельку-другую и затем, как ни в чем не бывало, предложить поход в клуб.

* * *

Рабочая неделя пролетела быстро. Вечерами после работы я часто заскакивала к Марине, чтобы получить очередную порцию знаний и заданий.

Вообще способности у меня развивались довольно быстро, я оказалась хорошей ученицей. Постепенно постигала хитрую науку, старательно плела кнотен, ездила в эзотерический магазин «Белые облака» за интересующим меня материалом и всяческими штучками вроде ароматических масел, палочек и амулетов.

Мои усилия не пропадали даром. У меня стало получаться такое, что раньше представлялось невероятным и сказочным. Я могла снять или облегчить физическую боль, научилась предсказывать. Стали чаще получаться выходы из тела, и исчезла паника, накрывающая меня в такие моменты. Я начала лучше осознавать происходящее во время выходов и запоминать его более детально. Эти выходы, как оказалось, смогли стать мне помощниками во время предсказаний. Ведь я попадала туда, куда в обычной жизни не могла добраться, и видела то, что было скрыто раньше от моих глаз.

Представления о сверхъестественном потихоньку раскладывались в моей голове по полочкам, я научилась пользоваться своими знаниями.

Не заметив, как наступила суббота, я вернулась к идее отправиться с Ленкой в клуб. Все-таки я считала, что лучше всего будет сходить туда сначала одной. Проснувшись довольно рано утром, я привела себя в порядок и села за телефон. Дозвонившись до места, где собравшиеся играли в «Крокодила», я принялась выяснять, что нужно для того, чтобы попасть туда. Веселый женский голос сообщил мне, что чаще всего туда попадают за компанию с друзьями, но ничего страшного, если я приду одна. Главное, не стесняться и активно во всем участвовать. Людям с комплексами в общении туда приходиться в одиночку не рекомендуется, потому что вечеринка будет чревата для них угрюмым молчаливым отсиживанием в самом дальнем углу. Если ты вдруг застеснялся во время игры или у тебя не получается изобразить заданный

предмет, тебя поддержат и подбодрят окружающие, но специально вытаскивать за руку из угла никто не станет.

Я уточнила время и место и, к радости своей услышав, что сегодня в пять вечера очередная игра, поблагодарила собеседницу и повесила трубку. И так? Закомплексованной я себя не считаю, так что попробую попытаться счастья сегодня вечером. Конечно, есть какие-то у меня в характере пунктики, которым лучше бы не быть, но что касается легкости контакта – этого у меня не отнимешь. С детства всегда подходила знакомиться первая и предлагала «давай играть» незнакомым ребятам. В «Крокодила» тоже поиграю с удовольствием, тем более участвовала не раз, правила знаю и надеюсь, что не оплошаю.

Перед выходом из дома я решила набрать Ленке. От подруги, кстати, за всю неделю не было ни весточки. Может быть, так сильно обиделась, а может, просто нашла, чем себя занять. Я решила поинтересоваться, как у нее да что, не упоминая пока про клуб и тот наш разговор. Ленкин телефон не отвечал. Я в глубине души понадеялась, что она с кем-нибудь уже сама познакомилась и с головой нырнула в новую жизнь.

Глава 7. Немного о выходах из тела

Вернулась домой я в двенадцатом часу, усталая и очень довольная. Поездка превзошла мои ожидания. Я даже не ожидала, что будет так весело! Приняли меня хорошо, я почти сразу включилась в игру. Вначале, конечно, несмотря на свою общительность, слегка постеснялась: одно дело играть в компании друзей, другое – в обществе абсолютно новых для тебя людей, да еще не на интерес, а участвуя в соревновании. Здесь важно не бояться быть смешным, потому что задания даются такие, что серьезность сохранить невозможно. Изображать мне сегодня пришлось лифт, рыбу-пилу, страусиное яйцо, вранье и Жанну Агузарову. Все это делать надо без слов – либо жестами, либо (и мне это больше нравится) играть, как роль. Но как можно сыграть вранье? Я корчила рожи, махала руками, в общем, импровизировала самым жутким способом, почти не понимая, что творю. Но, как ни странно, ребята из моей команды это слово отгадали и потом меня хвалили за находчивость. Я краснела и улыбалась: мне дали понять, что с радостью встретят меня здесь еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.